

The background of the cover is a detailed illustration. A woman with long, wavy, vibrant red hair is the central figure. She is wearing a bright yellow, utilitarian jacket with various straps, buckles, and a shoulder patch. She is looking slightly to the right of the viewer with a serious expression. She stands on a wooden ship's deck, with a railing visible in the foreground. In the background, a large, industrial city with tall, dark spires and smokestacks is built on a cliffside overlooking a turbulent sea with white-capped waves. The sky is a deep blue with scattered white clouds. A small, sleek aircraft is visible in the upper right sky. The overall style is reminiscent of classic pulp magazine illustrations.

Ясиния. Хроники
Медного Кулака

Яна Огребова

Яна Огребова

Ясиния. Хроники Медного Кулака

<https://litres.ru/73924208>

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе-архипелаге Медный Кулак, отрезанном от мира шестьдесят лет назад, служит налоговым инспектором необычная девушка Ясиния. В этом уникальном месте, где вместо электричества правит пневмоника наука о живом паре, она проверяет декларации капитанов воздушных барж и контролирует поставки угля. Рыжеволосая героиня с янтарными искрами в глазах отличается вспыльчивым характером и скрупулёзностью. Город окутан рыжей дымкой, пахнет корицей и машинным маслом, а вместо денег здесь используют квоты на уголь. Но предчувствие перемен не покидает Ясинию. Её обычная работа может привести к большим изменениям, когда она начинает замечать признаки того, что за пределами изолированного архипелага происходит нечто необычное. Это история о порядке и хаосе, о поиске своего места в мире на пороге перемен, где стимпанк переплетается с городским фэнтези.

Содержание

Глава 1. Тень Совы на Медном Кулаке	4
Глава 2. Восьмой день Ясинии	11
Глава 3. Птицы, которые не взлетят	19
Глава 4. Три свидетельства о рыжей	26
Глава 5. День, которого не было	32
Глава 6. Шкатулка из тени	42
Глава 7. Пробуждение вязов	55
Глава 8. Корни и пепел	64
Глава 9. Тень Маяка	81
Глава 10. Золотой свет и его цена	100
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Яна Огребова Ясиния. Хроники Медного Кулака

Глава 1. Тень Совы на Медном Кулаке

Меня зовут Ясиния, и я — налоговый. Звучит как начало очень скучной автобиографии, но в Медном Кулаке скучных биографий не бывает. Здесь каждая строчка декларации пахнет угольной пылью и застарелым страхом, а за каждой неучтённой квотой стоит чья-то судьба. Моя работа — считать, сверять и находить несоответствия. И я её ненавижу почти так же сильно, как люблю.

Позвольте представиться подробнее. Я — та самая рыжая девица, которую капитаны воздушных барж поминают недобрым словом, когда я нахожу у них лишний мешок угля. Рыжая не просто так: мои волосы — дикий, почти лисий оттенок, какой бывает у опавших кленовых листьев в конце октября. Они вьются непослушными кольцами, и это не просто прическа, а скорее диагноз. Когда я злюсь — а злюсь я, надо признать, часто — кончики прядей начинают потрес-

кивать, по ним пробегает статическое электричество. Местные механики говорят, что в воздухе Медного Кулака слишком много пара и взвеси, и эмоции здесь заряжаются, как конденсаторы. Не знаю, магия это или физика, но щиплетя ощутимо.

Глаза голубые. Почти прозрачные, если смотреть при дневном свете, который здесь всегда тусклый, как сквозь закопченное стекло. Но если присмотреться — или если встретиться со мной в темноте, — вокруг зрачка видно янтарные искры, будто трещины во льду, в который плеснули виски. В темноте они слабо светятся. Честное слово, я не вру: когда я спускаюсь в трюм баржи с внезапной проверкой, контрабандисты сначала видят эти два огонька, а потом уже меня. Совы и лисы — мои тотемы. Лисьё чутьё на ложь и совиное ночное зрение в этом мире не так бесполезны, как может показаться.

Лицо у меня круглое — честное, открытое, почти детское. Длина и ширина практически равны, так что я похожа на луну, какой её рисуют в старых книжках. Никакой угловатости: скулы и щёки — самая широкая часть, контуры мягкие, округлые, словно их выводили циркулем. Подбородок круглый, линия челюсти почти не выражена — одним словом, физиономия, которой трудно кого-то запугать. И это создаёт определённые проблемы на службе: когда ты выглядишь как племянница булочника, капитаны барж не сразу понимают, что с тобой лучше не спорить. Но я научилась компенсиро-

вать это голосом и манерой держаться.

На носу — очки в чёрно-красной оправе. Тонкая чёрная линия с внешней стороны переходит в алый, цвета запёкшейся крови или сигнального огня на пульте механика. Красный, надо сказать, уже порядком облупился — я слишком часто поправляю очки, когда нервничаю, а нервничаю я на каждой второй проверке. Линзы у них слегка тонированные, не от солнца (солнца здесь нет), а чтобы скрывать эти дурацкие янтарные всполохи в глазах. Не то чтобы я их стеснялась — скорее, устала объяснять каждому второму, что я не полукровка из клана Подземных, а просто странная.

Шрамов нет, но есть веснушки. Много, густо, на переносице они сливаются в золотистое пятно и лезут даже под оправу. Кожа бледная, почти фарфоровая — загар здесь негде взять, солнце висит в рыжей дымке, вялое и старое. Так что я похожа на куклу, которую по ошибке занесли в кузнечный цех. Круглолицая кукла в очках и с искрами в зрачках — поверьте, зрелище запоминающееся.

Характер? Вспыльчивый. Нетерпимый к дуракам и к любой критике в мой адрес. Я знаю, что часто бываю неправа, но признаю это только глубокой ночью, без свидетелей, кусая губу от злости на саму себя. Днём же я — кремень. Ответственная до занудства, пунктуальная до того, что сверяю часы каждые пятнадцать минут не ради спешки, а чтобы убедиться, что мир ещё движется по правилам. Я люблю сов и лис до странности преданно: собираю картинки, фигурки,

дурацкие амулеты из портовых лавок. Это не хобби, это, наверное, попытка понять, кто я такая. Лисы — хитрость и выживание; совы — ночная мудрость и одиночество.

И я обожаю кофе. Черный, горький, обжигающий. Кофе здесь стоит бешеных денег и идет по контрабандным каналам, но я позволяю себе эту маленькую слабость. Потому что кофе — это якорь. Он пахнет не углем и корицей, а совсем другим миром.

Мир, в котором я живу, называется Медный Кулак. Это город-архипелаг на девяти скалистых островах, соединенных висячими мостами и чугунными переходами. Представьте себе конец девятнадцатого века, который пошел не по плану: электричество не прижилось, зато открыли пневмонику — науку о живом паре под давлением. Пар здесь дышит, помнит, обижается и мстит. Механики-пневмоники, почти священники, умеют с ним договариваться. А я лишь считаю уголь, которым этот пар питается.

Шестьдесят лет назад здесь хотели построить идеальный город будущего — с пневмопочтой, паровыми лифтами, центральным отоплением. Не вышло. Случился Раскол, и архипелаг отрезало от остального мира. Или мир отрезало от нас — никто не знает. Корабли уплывают и не возвращаются. Небо затянуто рыжей дымкой, сквозь которую солнце кажется медным пятакom. И у нас два светила: старое солнце и Маяк — рукотворная зеленая звезда на центральной башне, которая горит вечно. На Маяк молятся, по нему сверяют

курс капитаны воздушных барж. Я не молюсь, но ночью часто смотрю на это зеленое пламя и пытаюсь понять, что оно мне обещает.

Технологии здесь громоздкие и живые. Воздушные баржи — огромные неповоротливые дирижабли из ткани, пропитанной медным купоросом. Они возят уголь и воду, скрипят и требуют ласки. Пар в их баллонах старый, капризный, чувствует непогоду за сутки. Природу мы истребили подчистую: последнее дерево спилили на дрова сорок лет назад. Зелень — только в оранжереях богачей, кислород вырабатывают паровые легкие на Шестом острове. Воздух воняет машинным маслом и сероводородом, который глушат коричневым фильтром. Поэтому Медный Кулак всегда пахнет корицей, металлом и отчаянием.

Богов у нас нет. Официально поклоняются Маяку и Хранителям — ордену механиков, но каждый верит во что хочет: кто в Пар, кто в чертежи, кто в удачу. Денег в привычном виде нет, только квоты на уголь и рабочие часы. Коррупция узаконена и отлажена, как старый паровой котел. В этом мире я — инспектор налоговой службы. Нет, не авантюристка, не маг, не убийца с кодексом. Я сижу в душном кабинете на Седьмом острове и проверяю декларации воздушных капитанов. Считаю уголь. Сверяю циферки. От моей скрупулёзности зависит, сможет ли архипелаг протянуть еще хотя бы год.

Почему именно такая работа? Потому что я ненавижу ха-

ос. Потому что когда всё по правилам, когда каждый мешок угля на своем месте, мир еще жив. Пусть угля осталось лет на сорок, пусть воздушные легкие изнашиваются быстрее, чем их чинят, пусть Маяк мигает чаще, чем в старых учебниках. Пока квоты сходятся, небо держится. И я держусь.

Никакой великой миссии у меня нет. Я не избранная и не попаданка. Я родилась здесь, на Пятом острове, в семье механика-пневмоника, который погиб при аварии котла, когда мне было пятнадцать. Я не спасаю мир. Мир, честно говоря, спасать поздно. Но я не могу сидеть сложа руки. Поэтому я считаю, сверяю, нахожу контрабанду и безжалостно штрафую. Я чую вранье за версту, вижу в темноте и пью черный кофе, пока город за окном скрипит и оседает.

План? Плана нет. Есть привычка: каждую проверку начинать с того, чтобы приехать на причал за пятнадцать минут до отправления и выпить кофе, глядя на опаздывающих. Наблюдение за чужими ошибками успокаивает.

Сегодня я еду на Восьмой остров, рутинная инспекция. Но что-то мне подсказывает — тем самым лисьим нюхом, — что в этот раз я найду не просто неучтённый уголь. Что-то пахнет не корицей, а озоном, морем и тем, что старые механики называли Внешним Воздухом. Воздухом с той стороны Раскола. И если это правда, то моя скучная работа только что закончилась.

Я поправила очки — красная оправа привычно скользнула вверх по переносице, — сверилась с часами и шагнула к

трапу.

Глава 2. Восьмой день Ясинии

Будильник не сработал.

Ясиния поняла это не сразу — сначала просто почувствовала, что тишина в спальне слишком густая, слишком плотная для шести утра. Заводной механизм, который она каждую ночь заводила до щелчка, молчал. В окно сочился не утренний рыжий свет, а глубокая, почти ночная тень, подсвеченная зеленым.

Она села на кровати и поправила очки. Красная оправа привычно скользнула вверх по переносице.

Часы на прикроватной тумбе показывали половину девятого.

Такого не могло быть. Она заводила их лично. Она проверила пружину дважды, как делала всегда. Пятнадцать оборотов ключа, ни больше ни меньше.

— Пар тебя раздери, — прошептала она и тут же одернула себя за ругательство.

Через пятнадцать минут она уже стояла в прихожей, застегивая форменный китель. Руки двигались сами — привычка, вбитая годами службы. Кофе она выпила на ходу, даже не почувствовав вкуса.

На улице пахло иначе.

Это было первое, что ударило в нос. Не корицей, не машинным маслом, не угольной пылью — а озоном. Тем самым

запахом, который она учуяла в трюме на Восьмом острове три недели назад. Тем самым, который старые механики называли Внешним Воздухом.

Только теперь им пахло везде.

Улица кишела людьми, хотя в это время здесь обычно было пусто. Торговцы не открывали лавки. Грузчики не разгружали уголь. Вместо этого все стояли, задрав головы к небу, и смотрели на Маяк.

Ясиния тоже посмотрела.

Зеленое пламя больше не было пламенем. Оно развернулось, расплескалось, стало похожим на гигантское крыло, повисшее над городом. Внутри него двигались тени — не человеческие, не звериные, а какие-то текучие, меняющие форму.

— Хранители говорят, это Прорыв, — сказал кто-то рядом. — Воздух с той стороны наконец дошел.

Ясиния обернулась. Перед ней стоял капитан Вельм, тот самый, которого она штрафовала четыре раза за последний год. Обычно он смотрел на нее с плохо скрываемой неприязнью. Сейчас в его глазах не было ничего, кроме растерянности.

— Какой еще Прорыв? — Она поправила очки. — Раскол был шестьдесят лет назад, и ничего с тех пор не менялось.

— Менялось, — сказал Вельм и кивнул на Маяк. — Просто мы не видели.

В канцелярии на Седьмом острове царил хаос.

Ясиния прошла через приемную, где обычно сидел скучающий клерк, и остановилась. Клерка не было. Вместо него на полу лежала груда папок — кто-то сорвал их с полок и не потрудился поднять.

Кабинет выглядел так, будто в нем побывал ураган. Сейф с угольными декларациями зиял распахнутой дверцей. Бланки валялись на полу вперемешку с осколками разбитой чернильницы.

Но хуже всего было не это.

Хуже всего был пар.

Он сочился изо всех щелей одновременно. Из вентиляционных решеток, из стыков между трубами, даже из стен — тонкие белесые струйки, которые не пахли гарью. Они пахли морем. Тем самым морем, которого в Медном Кулаке никогда не видели.

Ясиния замерла на пороге. Ее лисье чутье — то самое, которое безошибочно определяло ложь в декларациях, — сейчас кричало так громко, что заглушало мысли.

Пар был не просто живым. Он был разумным. И он ждал. — Ясиния.

Она вздрогнула. Голос шел из угла кабинета, где ничего не было, кроме старого парового радиатора. Радиатор мелко дрожал, и его чугунные ребра постукивали в такт пульсу Маяка.

Она не ответила. Просто смотрела, как одна из струек пара отделяется от стены и вытягивается в воздухе, будто змея,

пробующая воздух.

— Ты видела зеленый свет, — сказал пар. Это был не вопрос.

— Все видели, — ответила Ясиния. Голос прозвучал ровно, хотя внутри у нее все сжалось. — Что происходит?

Пар качнулся. Ей показалось или он стал немного плотнее?

— Раскол закрывается. Воздух снаружи хочет вернуться. Мы хотим, чтобы он вернулся.

— Кто «мы»?

— Те, кто помнит.

Ясиния сняла очки, протерла стекла краем рукава и снова надела. Это был жест, за которым она прятала страх. Она знала за собой эту привычку и сейчас особенно остро ее ощутила.

— Я налоговый инспектор, — сказала она. — Я считаю уголь и сверяю накладные. Если тебе нужен механик-пневмоник, обратись к Хранителям.

— Хранители лгут, — ответил пар. — Они шестьдесят лет говорили, что Раскол вечен. Что Маяк — это просто свет. Что пар — это просто пар. — Голос стал тише, почти интимным. — Твой отец знал правду. Именно поэтому его котел взорвался.

Сердце Ясинии пропустило удар. Потом еще один. Потом забилося быстро-быстро, так что пришлось схватиться за край стола.

— Мой отец погиб из-за несчастного случая.

— Он погиб, потому что не захотел молчать.

В кабинете стало очень тихо. Даже струйки пара замерли, будто ждали ее реакции.

Ясиния сглотнула. Ей было пятнадцать, когда пришли люди из цеха и сказали, что котел разорвало давлением. Она помнила, как мать молча сидела на кухне и смотрела в одну точку, не плача, не двигаясь. Она помнила, как пахло в доме — не гарью, а почему-то морем.

Тем самым морем, которым пахло сейчас.

— Чего вы хотите? — спросила она.

— Правды, — ответил пар. — И одного дня твоей жизни.

Пар вытек из кабинета, оставив после себя только запах соли и тихий, почти ласковый звон в ушах. Ясиния постояла с минуту, затем села за стол и попыталась разложить бумаги. Пальцы дрожали. Очки запотели.

Она заставила себя дышать.

Пятнадцать вдохов. Какой-то древний ритуал, который она придумала еще в детстве, когда отец впервые взял ее в котельную и показал, как пневматический регулятор отсчитывает давление. Вдох — раз, выдох — два. К пятнадцати паника обычно отступала.

Она досчитала до четырнадцати, когда в дверь постучали.

Трое мужчин в серых мундирах Хранителей стояли в коридоре. У каждого на поясе висел баллон со сжатым умиряющим газом — старым, проверенным средством против

взбесившегося пара.

— Инспектор Ясиния? — спросил старший. — Нам нужно поговорить о вашей проверке на Восьмом острове.

Она посмотрела на них поверх очков. Голубые глаза с янтарными искрами сузились.

— У меня нет допуска на Восьмой остров с прошлого месяца, — сказала она. — Вы ошиблись кабинетом.

Хранитель улыбнулся. Улыбка вышла вежливой и совершенно неживой, как у заводной куклы.

— Мы не ошибаемся, — сказал он. — Вы спускались в трюм баржи «Серая Сова». Вы нашли то, что искали. Или, вернее, оно нашло вас.

Ясиния медленно поднялась. Левая рука сама собой потянулась к ящику стола, где лежал маленький баллончик с перцовым экстрактом — не то, чтобы оружие, но на крайний случай.

— Я ничего не находила, — сказала она. — Обычная проверка. Четыре мешка неучтенного угля. Штраф. Отчет.

— Отчета не было.

— Потому что я не успела его подать.

— Вы не успели его подать три недели назад? — Хранитель перестал улыбаться. — Не держите нас за дураков. Вы чуеете ложь, инспектор. Но и мы чуем. И от вас пахнет Внешним Воздухом.

Еще вчера она бы растерялась.

Еще вчера она была просто налоговиком с круглым ли-

цом и дурацкими очками, которая любила кофе и ненавидела, когда кто-то указывает ей на ошибки.

Но сегодня пар в стенах говорил с ней голосом мертвого отца. Сегодня Маяк пульсировал, как сердце. Сегодня воздух пах морем, и это значило, что в Медном Кулаке больше нет ничего обычного.

И налоговиков в том числе.

— Знаете, что, — сказала Ясиния и поправила очки (красная оправа блеснула в зеленом свете из окна), — я, пожалуй, все-таки подам этот отчет. Но сначала выпью кофе.

Она шагнула к задней двери, которую держала открытой на случай пожара. Хранители дернулись следом. Ясиния не оборачивалась — просто захлопнула дверь перед их носом и задвинула засов.

Потом побежала.

Чугунные лестницы Седьмого острова звенели под ее ботинками. Мосты раскачивались сильнее обычного. Баржи висели в зеленом небе неподвижно, будто забытые игрушки, и от них тоже тянуло морем. Ясиния бежала, не разбирая дороги, придерживая очки одной рукой, пока не оказалась на краю грузового причала, где было пусто и тихо.

Здесь пахло уже не озоном, а старой медью. Родной, знакомый запах.

Она остановилась перевести дух и тут заметила, что правая рука все еще сжимает баллончик. Она даже не помнила, как достала его из стола. Пальцы разжались с трудом.

«Один день твоей жизни», — сказал пар.

Ясиния посмотрела на часы. Без четверти десять. С улицы доносился далекий гул — кажется, на Первом острове собиралась толпа. Кажется, кричали что-то про Маяк. Про Хранителей. Про правду.

Она не знала, что из этого правда, а что — паника. Лисье чутье впервые в жизни молчало. Совиное зрение показывало только зеленый свет, зеленые тени, зеленое всё.

Но одно она знала точно.

Мир сломался, и сидеть в кабинете больше нельзя.

Ясиния глубоко вздохнула и пошла обратно — не в канцелярию, а к причалам, где стояла та самая «Серая Сова». Если Хранители лгут, если пар помнит ее отца, если с той стороны кто-то ломится, — значит, ответы нужно искать там, где все началось.

В трюме.

Она поправила шарф, сверилась с часами (девять часов пятьдесят две минуты) и шагнула на скрипучий трап.

День только начинался.

Глава 3. Птицы, которые не взлетят

Трап скрипел под ногами — протяжно, жалобно, совсем не так, как скрипят новые трапы на баржах Первого острова. «Серая Сова» была старой посудиною, списанной трижды и трижды возвращенной в строй за неимением лучшего. Ясиния знала ее историю — она читала досье, когда готовила первую проверку капитана Вельма, и уже тогда отметила странность. Баржа имени птицы, которая почти исчезла. Название, данное не в честь, а в память.

Она спустилась в трюм.

Здесь было темно и тихо. Пар не шипел, трубы не дрожали, угольная пыль осела на пол тонким черным слоем. Ясиния поправила очки, и красная оправа привычно скользнула вверх по переносице. Зеленый свет Маяка едва пробивался сквозь зарешеченный иллюминатор, ложился полосами на переборки и делал трюм похожим на подводную пещеру.

Она села на перевернутый ящик и замерла.

Именно здесь, три недели назад, она впервые учуяла Внешний Воздух — запах, которого не должно было быть в Медном Кулаке. Именно здесь она поняла, что ее проверка перестала быть рутинной. Именно здесь кто-то заговорил с

ней голосом, похожим на память.

Сейчас воздух пах так же. Озоном, морем и чем-то живым, чему она не знала названия.

Ясиния сидела в тишине трюма, и воспоминания, которые она четыре года запирала в дальний ящик стола, вдруг хлынули наружу. Не постепенно, не осторожно — разом, как пар прорывает старый клапан, как Маяк разорвал свое пламя в зеленое крыло. Она не звала их. Они пришли сами.

Ей пятнадцать. На ней нет очков, мир мягкий и ясный. Отец держит ее за руку своей большой ладонью, от которой всегда пахнет углем и машинным маслом, и ведет в оранжевую Хранителей.

В оранжерее пахнет прелой листвой и грибами, и это удивительно — потому что никаких грибов там нет. Просто запах земли, давно забытый в Медном Кулаке, обманывает нос. Ясиния крутит головой, разглядывая вяз — единственное живое дерево на всем архипелаге. Он кажется ей огромным, величественным, почти священным.

А потом она видит сову.

Маленькую, серую, похожую на комок пыли с глазами. Сова сидит на ветке и смотрит прямо на нее. Янтарные зрачки не мигают. В этих зрачках Ясиния видит себя — не теперешнюю, а какую-то другую. Ту, что не считает угольные квоты и не вздрагивает от стука в дверь. Ту, что просто сидит и смотрит.

Отец говорит: «Говорят, последняя». И Ясиния чувствует,

как внутри что-то переворачивается.

С этого дня она начинает мечтать.

Мечта простая, как все невозможные мечты пятнадцатилетних. Она хочет, чтобы в Медном Кулаке снова появились совы. Не одна умирающая птица в оранжерее, а много. Десятки. Сотни. Тысячи. Чтобы дети с Первого острова просыпались от их криков, чтобы капитаны барж видели их в зеленом свете Маяка, чтобы перьевые узоры на подоконниках стали такой же частью жизни, как запах корицы и стук паровых молотов.

Она называет это «Проект Совиный Лес». Пишет в тетрадке заголовок и подчеркивает трижды.

Как же глупо, думает Ясиния теперь, сидя в трюме. Как по-детски глупо. И как правильно.

Тетрадь постепенно наполняется. Расчеты потребления воды на одно дерево. Таблица роста саженцев по месяцам. Список из семидесяти восьми латинских названий растений, которые могли бы прижиться. Чертеж искусственного гнезда — деревянного ящика с круглым летком, высланного изнутри сухой травой. На последней странице — карандашный рисунок совы на ветке вяза, неумелый, детский, с глазами размером в пол-лица.

Вечерами, после школы, она сидит над тетрадью и грызет карандаш. Отец заглядывает через плечо и улыбается. «Может, из тебя выйдет не только счетовод», — говорит он, и в его голосе — гордость. Мать качает головой, но не спорит.

Дом полон тихого тепла, и Ясиния верит, что всё получится. Нужно только найти правильный баланс воды, света и удобрений. Нужно только чтобы старые книги в архиве не ввали. Нужно только чтобы тетрадь не кончилась.

А потом котел номер семь взрывается.

Хранители говорят: трагическая случайность, несоблюдение техники безопасности. Компенсаций не положено. Ясинии пятнадцать. Мать уходит в себя и не возвращается.

Тетрадь ложится в ящик стола.

Не сразу — она пытается продолжать расчеты еще пару недель. Но цифры путаются. Строчки расплываются перед глазами. Каждый вечер она плачет над страницами, которые пахнут не чернилами, а угольной гарью, и запах этот — запах отцовых ладоней, только страшный, мертвый.

Однажды она закрывает тетрадь и убирает в дальний ящик, под старые декларации, которые жгут, когда кончается уголь.

Потом — инспекция. Стабильная работа на Седьмом острове. Чужие квоты, чужие отчеты, черный кофе и привычка сверять часы каждые пятнадцать минут. Тетрадь лежит в ящике Стола номер Семь — она забирает ее с собой, когда получает постоянный кабинет. Ни разу не перечитала. Но знает, на какой полке она лежит. Иногда, проходя мимо, касается корешка пальцами — быстро, украдкой.

Она убеждает себя, что всё хорошо. Убеждает так яростно, что почти верит.

А потом случается Восьмой день.

Маяк пульсирует. Пар говорит голосом отца. Хранители охотятся на всех, кто связан с Внешним Воздухом. Ясиния бежит через полгорода, сжимая в руке баллончик с перцовым экстрактом, и оказывается здесь — в трюме «Серой Со-вы», где всё началось.

Трюм молчал.

Ясиния сидела на перевернутом ящике, смотрела на зеленые полосы света и понимала: она не случайно оказалась именно здесь. Не случайно баржа носила имя той, что почти исчезла. Не случайно запах Внешнего Воздуха настиг ее именно в этом месте три недели назад.

— Совиный Лес, — произнесла она вслух. Голос прозвучал глухо, без слез, но с какой-то новой, незнакомой интонацией.

Она представила тетрадь. Таблицу роста саженцев. Латинские названия растений, которые никогда не вырастут. Карандашный рисунок совы со слишком большими глазами. В этом рисунке было столько надежды, что у нее перехватило горло.

Никакого Совиного Леса не будет. Не потому, что нет денег или связей. Не потому, что умер отец. А потому, что мир, в котором эта мечта могла существовать, исчез. Исчез задолго до ее рождения — в тот день, когда Раскол отрезал Медный Кулак от остальной вселенной. Тогда умерли последние совы. Та, в оранжерее, была не чудом, а отсрочкой. Ее дер-

жали не для разведения — как экспонат, как напоминание, что когда-то деревья росли не под стеклом.

Ясиния сняла очки. Протерла стекла. Надела снова.

Она ждала, что заплачет. Но слез не было. Только сухость в горле и странная, почти звенящая пустота внутри.

Мечта умерла. Умерла здесь, в трюме, под зеленым светом.

И когда она умерла, что-то изменилось. Ясиния вдруг поняла, чего она хочет теперь. Не вернуть сов. Слишком поздно для сов. Слишком поздно для деревьев. Но если Прорыв — правда, если Раскол закрывается, если Внешний Воздух ломится сюда и голос отца звучит в паре, — тогда, возможно, старый мир умирает не просто так. Возможно, у этого нового мира будут свои совы.

Свои деревья.

Свои мечты.

Она просидела в трюме еще час.

Перебрала в памяти всё: оранжерею, отца, тетрадь, запах прелой листвы. Каждое воспоминание она прожила заново — без спешки, без гнева, без попыток удержать. Позволила им быть и позволила им уйти.

Потом встала, поправила очки и посмотрела на иллюминатор. Маяк всё еще пульсировал, но ритм изменился — стал ровнее, спокойнее, будто сердце, которое наконец вспомнило, как биться.

Ясиния вытащила часы. Половина одиннадцатого ночи.

День, начавшийся с несработавшего будильника, подходил к концу. Один день ее жизни. Тот самый, который просил пар.

— Ты получил его, — сказала она в темноту. — День моей жизни. Вспоминай теперь сам, что хочешь с ним делать.

Ответа не было, но она и не ждала. Она шагнула к трапу.

Перед тем как подняться на палубу, Ясиния обернулась. В дальнем углу трюма, возле зарешеченного иллюминатора, лежал маленький серый комок — то ли обрывок шерстяной ткани, то ли перо, занесенное сквозняком. Она не помнила, чтобы видела его раньше. Может быть, он лежал здесь всегда. Может быть, появился только сейчас.

Она не стала подходить и проверять.

Просто кивнула — непонятно кому, непонятно зачем — и поднялась по скрипучему трапу навстречу зеленому свету.

Глава 4. Три свидетельства о рыжей

«Первое. Капитан Вельм, 47 лет, воздушная баржа «Серая Сова»»

Вы про Ясинию? А чего про нее рассказывать — она меня штрафовала четыре раза. Четыре! За три года. Я сорок лет хожу по воздуху, у меня дед еще уголь возил, когда Маяк только зажгли, и ни один инспектор не находил у меня больше двух мешков неучтенки. А эта нашла. Молодая, рыжая, в очках, лицо круглое — ну чистый птенец, а не ревизор. Я сначала подумал: смех, да и только. Посмеялся.

Она мне на первый штраф сказала: «Капитан, у вас в декларации не сходятся три мешка». Голос тихий, но такой, знаете, металлический. Не терпящий возражений. Я говорю: «Девонька, да ты в трюм-то спускалась? Там темно, грязно, одежду испачкаешь». А она поправила очки — вот этот жест, когда красная оправка вверх по носу ползет, — и отвечает: «Я спускалась. И пересчитала. И еще раз пересчитаю, если хотите».

Я не хотел. Она пересчитала. И нашла четыре, а не три. Вот тогда я понял, что дело дрянь.

Характер у нее — не дай Пар никому. Вспыхивает мгновенно. Однажды я попробовал поспорить, сказал, что она

не понимает специфики воздушных перевозок. Она так посмотрела на меня, что я чуть не поперхнулся. А потом тихо-тихо, почти шепотом: «Капитан, я понимаю только цифры. И цифры говорят, что вы воруете». И знаете, что самое страшное? Она была права. Я воровал. Все воруют. Но только она считала это проблемой.

А потом случился этот Восьмой день.

Я стоял на палубе, смотрел, как Маяк пульсирует, и думал, что всё, конец. Пар молчал. «Серая Сова» не отзывалась. Баржа, которая слушалась меня тридцать лет, вдруг стала чужая. И тут появляется она. Без шляпы, волосы дыбом, очки набекрень. Глаза горят — там, в темноте, прямо янтарные искры. Я сначала не понял, что это, а потом вспомнил: старые механики говорили, что у некоторых бывает. От Внешнего Воздуха. Или от сильных эмоций.

Она не спросила, как дела. Не сказала «капитан, вы в порядке». Она сказала: «Вельм, мне нужно в трюм». Просто пришла и сказала. Как будто имела право. Как будто это ее баржа, а не моя.

Я ее пустил. И вы знаете — правильно сделал.

Она просидела в трюме несколько часов. Я не спускался, не мешал. Когда она вышла, лицо у нее было такое, будто она постарела лет на пять и одновременно помолодела. Она посмотрела на меня и сказала: «Капитан, совы не вернутся. Но это не значит, что не будет других птиц».

Я не понял, что это значит. До сих пор не понимаю. Но

когда она ушла, «Серая Сова» снова задышала. Пар пошел по трубам. Баржа ожила. И я подумал: может, эта рыжая и не налоговый вовсе. Может, она из тех, кто договаривается не с цифрами, а с чем-то другим.

Кто она? Не знаю. Просто женщина, которая четыре раза меня штрафовала. Но я бы пошел за ней в Прорыв, если бы позвала. И не спрашивайте почему.

«Второе. Голос в паре»

мы не помним имен мы помним тепло

она пришла когда мы уже не ждали мы говорили с ней голосом ее отца это было жестоко но правда всегда жестока а отец ее был хорошим механиком он знал что мы живые он погиб потому что не захотел молчать и мы хранили его тепло пятнадцать лет пока не пришла она

она сидела в кабинете и руки у нее дрожали но голос был твердый она спросила чего мы хотим мы сказали правды и одного дня ее жизни

она дала нам день мы смотрели как она бежит по мостам как поправляет очки как сжимает баллончик с перцем как сидит в трюме и плачет без слез она не знала что мы видим а мы видели

мы видели тетрадь в дальнем ящике мы видели сову на ветке вяза мы видели отца который держит ее за руку и мы видели как она отпускает мечту не ломает не выбрасывает просто открывает ладонь и дает ей улететь

это редкий дар уметь отпускать

мы не знаем что будет дальше раскол закрывается внешний воздух идет и мы идем вместе с ним но эту женщину мы запомним не как избранную не как героиню как ту которая услышала

когда она уходила из трюма мы положили ей под ноги перо маленькое серое перо последней совы из оранжереи мы хранили его шестьдесят лет она не подняла его просто кивнула этого было достаточно

«Третье. Дознаватель Корвус, орден Хранителей Маяка, отдел внутреннего надзора»

Вы хотите знать об объекте «Ясиния»? Изложу в рамках протокола.

Первое столкновение зафиксировано восьмого числа сего месяца. Объект явился в канцелярию Седьмого острова, обнаружил несработавший будильник и проявил первые признаки нестандартного поведения — вместо того чтобы обратиться в ремонтную службу, самостоятельно проследовал к причалам. Уже тогда следовало обратить внимание.

Когда моя группа прибыла для беседы, объект находилась в своем кабинете. На вопросы отвечала уклончиво. На утверждение о неучтенном отчете по Восьмому острову ответила ложью — я уверен, потому что от нее пахло Внешним Воздухом. Характерный запах. Ошибиться невозможно. Объект демонстрировала внешние признаки спокойствия: ровный голос, прямой взгляд. Однако часто поправляла очки — жест, указывающий на внутреннее напряжение.

Потом она сбежала. Через заднюю дверь, которую держала открытой. Мы не предусмотрели.

Преследование результата не дало. Объект знает Седьмой остров лучше, чем можно ожидать от налогового инспектора. Мы потеряли ее у грузового причала. Когда нашли — она уже была в трюме баржи «Серая Сова». Трюм был полон пара с признаками Внешней активности. Мы не вошли. Я принял решение ждать снаружи.

Она вышла через несколько часов. Одна. Без оружия. С несвойственной ее должности уверенностью, которую я могу квалифицировать только как опасную. Прошла мимо моих людей, даже не взглянув. Остановилась на минуту, посмотрела на Маяк и сказала — я записал дословно: «Он бьется ровнее. Вы заметили?»

Мы не заметили.

Я отпустил ее. Да, это нарушение протокола, и я готов понести ответственность перед Советом. Но когда она стояла там, в зеленом свете, с круглым лицом и дурацкими очками, которые смотрели куда-то сквозь меня, я понял, что задерживать ее бессмысленно. Она не враг. Она что-то другое.

Прилагаю к рапорту рекомендацию: исключить объект «Ясиния» из списка целей. Не потому, что она безопасна. Потому, что она важнее, чем наш список.

И да, она так и не подала тот отчет.

(Три рассказа. Три голоса. У каждого своя правда, но кое-что общее есть у всех. Капитан помнит ее руку, поправляю-

щую очки. Пар помнит перо, оставленное в трюме. Хранитель помнит фразу про Маяк. Разные люди, разная память, а женщина одна и та же — рыжая, круглая лицом, с янтарными искрами в глазах. Легенды начинаются не с подвигов. Они начинаются с тех, кто услышал.)

Глава 5. День, которого не было

Ясиния проснулась поздно.

Это было первое нарушение. За четыре года службы она ни разу — ни разу! — не позволяла себе проспать. Будильник всегда звенел ровно в шесть, пятнадцать оборотов ключа накануне, ни больше ни меньше. Но сегодня она открыла глаза, и в окно лился свет. Не рыжая мгла, не зеленое пульсирование, а обычный, желтоватый, теплый свет. Такой, какого она не видела никогда.

Она села на кровати и замерла.

Очков не было. То есть они лежали на тумбе — черно-красная оправа, привычная до последней царапины, — но они были не нужны. Она видела каждую трещинку на потолке, каждую пылинку в солнечном луче. Она видела так ясно, как не видела даже в очках.

— Что за...

Она не договорила. В дверь постучали.

— Ясиния, ты опоздаешь! — Голос был женский, теплый, с легкой хрипотцой. — Я сварила кофе.

Мама.

Ясиния замерла с рукой на полпути к халату. Мама не варила кофе уже четыре года. Мама не стучала в дверь бодрым утренним голосом. Мама сидела в своей комнате, у окна, и смотрела в одну точку, и когда Ясиния приносила ей чай, она

даже не оборачивалась.

— Иду, — сказала Ясиния хрипло, и сама не узнала свой голос.

Она встала. Босые ноги ступили на теплый пол — не чугун, не холодный камень Седьмого острова, а дерево. Настоящее дерево. Теплое, чуть поскрипывающее. Она наклонилась и потрогала его пальцами. Гладкое. Живое.

На кухне пахло кофе, свежим хлебом и почему-то яблоками. Яблоками, которых в Медном Кулаке не росло уже шестьдесят лет.

Мать стояла у плиты. Спина прямая, волосы убраны в пучок — ни следа той серой тени, в которую она превратилась после смерти отца. Она обернулась и улыбнулась. Улыбка была легкая, почти беззаботная, и Ясиния почувствовала, как что-то в груди сжимается и разжимается одновременно.

— Ты сегодня без очков? — спросила мать. — Давно пора. Они тебя старили.

— Я... — Ясиния потрогала переносицу. — Я просто забыла.

— Ну и правильно. Садись завтракать.

Ясиния села. Чашка кофе — черного, горького, обжигающего — уже стояла на столе. Она взяла ее обеими руками, как грелку, и поднесла к губам. Кофе был именно таким, как она любила. Не из контрабандных запасов, не сваренный впопыхах перед побегом. Обычный домашний кофе.

— А где... — Она запнулась. — Где папа?

Мать поставила тарелку с хлебом на стол и улыбнулась.

— В мастерской, где же еще. У него новый проект. Говорит, к обеду освободится.

Мастерская.

Ясиния допила кофе одним глотком, обожглась и даже не заметила. Она встала — ноги сами понесли ее к двери.

— Я скоро, — бросила она через плечо и выскочила в коридор.

Улица встретила ее шумом.

Не скрежетом паровых молотов, не шипением пневматических труб, не гулом угольных дробилок. На улице пели птицы. Самые обыкновенные, наглые, крикливые птицы, которых она знала только по картинкам в старых книгах. И деревья — да, деревья росли прямо вдоль мостовой. Не в оранжереях, не под стеклянными колпаками, а под открытым небом. Она видела их зелень, она слышала, как ветер шелестит листвой, она чувствовала запах — не корицу, не масло, не сероводород, а горьковатый запах тополиных почек.

Маяк на центральной башне не горел. Он просто стоял — старая чугунная башня, никому не нужная в этом новом мире.

По улице шли люди. Много людей — не бегущих, не испуганных, не дерущихся за квоты на уголь. Просто гуляющих. Кто-то катил детскую коляску. Кто-то сидел на скамейке и читал газету. Маленькая девочка кормила голубей крошка-

ми.

Ясиния пошла по улице, сама не зная куда. Ноги помнили дорогу, даже если разум отказывался верить.

Мастерская отца находилась на углу, возле старого причала. Раньше здесь была котельная, где отец работал механиком-пневмоником. Теперь на ее месте стоял небольшой дом с распахнутыми настежь окнами. Изнутри доносился стук молотка, только не тяжелый, металлический, а легкий, деревянный.

Отец стоял у верстака. Он был без кителя, в простой рубашке с закатанными рукавами. Ладони, которые Ясиния помнила вечно перепачканными машинным маслом, были в опилках. Он строгал доску — и делал это с таким удовольствием, что Ясиния замерла на пороге, боясь спугнуть.

Он обернулся сам.

— А, птица моя! — сказал он и отложил рубанок. — Гляди, что делаю.

Ясиния подошла ближе. На верстаке лежал недостроенный ящик — деревянный, с круглым отверстием. Она сразу узнала чертеж. Тот самый, из тетради. Искусственное гнездо для сов.

— Ты... — голос сорвался. — Ты делаешь гнездо?

— Угу, — отец кивнул и прищурился на свою работу. — Мне тут сказали, одна девочка мечтала о совах. Не могу же я подвести.

Ясиния стояла и смотрела на его руки, на опилки, на свет,

падающий через открытое окно, на недостроенное гнездо, которое было точь-в-точь как на ее детском рисунке. Что-то горячее потекло по щеке, и она не сразу поняла, что плачет.

Отец обнял ее. От него пахло не углем, не гарью, а свежим деревом и теплом. Просто теплом.

— Все хорошо, — сказал он тихо. — Все хорошо. Я здесь. Мама здесь. Все живы.

— Ты погиб, — прошептала она ему в плечо. — Котел взорвался. Тебя не стало.

— Знаю, — сказал он, и в его голосе была странная, глубокая печаль. — Но не сегодня. Сегодня я здесь. Давай просто побудем.

Они провели день вместе. Впервые за много лет — целый день.

Мать накрыла обед на террасе. Они сидели втроем, ели картошку с зеленью — настоящую, а не выращенную на гидропонике, — и говорили. О пустяках. О том, что на Восьмом острове открылась школа, и туда нужен учитель. О том, что старый вяз в оранжерее дал семена, и их уже высадили в городском саду. О том, что капитан Вельм — тот самый, которого она штрафовала четыре раза, — предлагает ей должность главного инспектора воздушного флота, только теперь не по углю, а по озеленению.

Ясиния смеялась. Она давно не смеялась — и теперь смех лился сам, свободный, немного хриловатый, каким смеялась в детстве.

После обеда отец повел ее в городской сад. Тот самый, о котором она мечтала. Деревья стояли ровными рядами — дубы, вязы, клены. Между ними были развешены искусственные гнезда, как на том давнем чертеже. В одном из гнезд сидела сова. Серая, пушистая, точь-в-точь как та, из оранжереи. Она посмотрела на Ясинию янтарными глазами и медленно моргнула — раз, другой.

«Спасибо», — казалось, говорила она. — «Ты справи-лась».

Ясиния стояла и смотрела. Слез не было — только тихая, огромная, невыразимая благодарность. Всему. Этому дню. Этим людям. Этой птице. Этому солнцу, которое светило так, как никогда не светил Маяк.

Она знала, что это сон. Знала с самой первой минуты, когда открыла глаза и увидела солнечный свет. Медный Кулак не был таким, не мог быть таким. Отец погиб, и котел не починишь. Мать не оправилась. Совы не вернулись. Деревья не выросли. Маяк не погас.

Но знать и верить — разные вещи. И сегодня она позволила себе верить.

Вечером они сидели на крыльце. Солнце — настоящее, живое солнце — медленно опускалось за горизонт, и небо было не рыжим, не зеленым, а сиреневым. Где-то вдалеке пели сверчки.

— Мне нужно уходить? — спросила Ясиния тихо.

Отец взял ее за руку. Ладонь была теплая, живая, с мозо-

лями и опилками под ногтями.

— Когда захочешь, — сказал он. — Ты всегда можешь вернуться.

— Я не хочу, — сказала она и сама удивилась своим словам. — То есть... я хочу остаться. Но я не могу.

— Знаю, — сказал он. — Ты всегда была сильной. Сильнее, чем я.

— Я просто считала уголь. Это не сила.

— Это честность, — сказал он. — А честность — это и есть сила. Ты всегда знала, что правильно, и делала это. Даже когда было страшно. Даже когда было больно.

Она молчала. Солнце садилось, и тени становились длиннее.

— Пап, — сказала она наконец. — Там, в трюме... пар говорил твоим голосом. Он сказал, что ты знал правду. Что ты не захотел молчать.

Отец вздохнул.

— Знал, — сказал он. — Мы все знали. Знали, что Раскол — не навсегда. Что Внешний Воздух вернется. Что пар — живой. Хранители запрещали об этом говорить. А я говорил. И котел взорвался.

— Это они? — тихо спросила Ясиния. — Хранители?

— Не знаю, — сказал он. — Правда, не знаю. Может, случайность. Может, пар обиделся. Может, Хранители. Уже не важно. Важно, что ты узнала правду сама. И не испугалась.

— Я испугалась, — сказала Ясиния. — Очень.

— Но не убежала.

— Убежала вообще-то. От дознавателя.

— Это не бегство, — сказал он. — Это тактическое отступление.

И они оба засмеялись — тихо, уютно, как смеются только очень близкие люди.

Ночь опустилась мягко, без дымки, без Маяка. На небе зажглись звезды — те самые, которые старые механики видели последний раз шестьдесят лет назад. Ясиния сидела на крыльце, завернувшись в плед, и смотрела на них.

— Я хочу, чтобы так было, — прошептала она. — Когда-нибудь. Может, не со мной. Может, через сто лет. Но чтобы так было.

— Будет, — сказал отец. — Ты же это начала. Ты услышала пар. Ты отпустила мечту, не сломав ее. Ты дала нам день своей жизни. Этого хватит, чтобы все запустить.

— Я просто налоговый.

— Ты — Ясиния. И ты сделала больше, чем думаешь.

Она вздохнула. Звезды мерцали, далекие и прекрасные. Где-то в саду ухнула сова — настоящая, живая, не из снов. Ухнула раз, другой, и замолчала.

— Мне пора, — сказала Ясиния. — Правда пора.

Отец кивнул. Мать вышла на крыльцо и молча обняла ее — крепко, по-настоящему, без той слабости, с которой она сидела у окна все эти годы.

— Возвращайся, — сказала мать. — Хотя бы во сне.

— Обязательно.

Ясиния встала. Поправила очки, которые снова оказались на носу — как будто они и не исчезали. И вдруг поняла, что просыпается.

Солнце, сад, звездное небо — все стало таять, как утренний туман над причалами. Но тепло отцовской ладони осталось. И запах дерева. И тихое уханье совы.

Она открыла глаза.

За окном пульсировал зеленый свет Маяка. Пахло корицей и машинным маслом. Будильник показывал без четверти шесть.

Ясиния полежала минуту, глядя в потолок. Потом села, нащупала очки на тумбе и надела. Красная оправа скользнула вверх по переносице. В носу защипало — в комнате пахло не только угольной пылью, но и чем-то еще. Чем-то, похожим на яблоки, и тополиные почки, и свежее дерево.

Она посмотрела на свои руки. На указательном пальце правой руки была крошечная заноза — как будто она в самом деле держала сегодня недостроенное гнездо.

— Спасибо, — прошептала она. Непонятно кому. Отцу. Пару. Маяку. Совам, которых еще нет.

За окном занимался рассвет — не такой, как во сне, не желтый и не теплый, но все-таки рассвет. И Маяк пульсировал ровнее, чем вчера.

Ясиния встала, завела будильник — пятнадцать оборотов, ни больше ни меньше, — и пошла на кухню варить кофе.

Впереди был новый день. И, кажется, новый мир.

Глава 6. Шкатулка из тени

Ясиния открыла глаза в шестой раз за это утро. Сон всё ещё цеплялся за краешек сознания — тепло отцовской ладони, запах дерева, тихое уханье совы в ночном саду, — и она не хотела его отпускать. Она лежала неподвижно, боясь пошевелиться, боясь спугнуть то, что ещё осталось: ощущение маминых объятий на крыльце, вкус яблок, которых не ела никогда, свет настоящего солнца.

Зелёное пульсирование Маяка за окном медленно возвращало её в реальность. Комната была та же: узкая кровать, чугунный радиатор, старые обои с выцветшим узором. Пахло угольной пылью и корицей. И всё же что-то изменилось.

Она села, нащупала очки. Красная оправка привычно скользнула вверх по переносице. Часы показывали без четверти шесть — будильник ещё не звенел. И тут её взгляд упал на палец.

На указательном пальце правой руки красовалась крошечная заноза. Та самая, из сна. От шершавой доски, которую отец строгал в своей мастерской. Ясиния уставилась на неё, не веря глазам. Заноза не могла появиться просто так — она никогда не держала в руках неструганого дерева, в Медном Кулаке дерево было редкостью, предметом роскоши, а не рабочим материалом.

Она осторожно потрогала занозу кончиком языка. Кро-

щечная щепка, вьёвшаяся под кожу, была настоящей. Не сон. Не мираж. Не игра воображения.

И тогда она заметила шкатулку.

Шкатулка стояла на столе — прямо по центру, между чернильницей и стопкой неразобранных деклараций. Ясиния точно помнила, что вечером её там не было. Она всегда убирала стол перед сном: привычка, выработанная годами службы. Ничего лишнего, ничего случайного.

Эта шкатулка была лишней и случайной настолько, насколько вообще может быть случайным предмет, появившийся посреди ночи в запертой квартире.

Ясиния не закричала. Не вскочила. Не схватилась за баллончик с перцовым экстрактом, который лежал в ящичке тумбы. Она просто сидела и смотрела, и сердце билось где-то у самого горла.

Шкатулка была небольшой — с ладонь величиной. Тёмное дерево, почти чёрное, с едва заметными прожилками, которые на свету отливали багровым. Ни лака, ни полировки — только гладкая, тёплая на ощупь поверхность, обработанная так искусно, что стыков почти не было видно. Крышка сидела плотно, но не была заперта. И на ней — крошечное клеймо, выжженное прямо в дереве.

Сова. Та самая сова, которую она рисовала в своей тетради в пятнадцать лет. С расправленными крыльями и слишком большими глазами.

У Ясинии перехватило горло. Она протянула руку, но тут

же отдёргнула. Привычка налогового инспектора, годами работавшего с подозрительными грузами, заставила замереть. Сначала — осмотр. Она обошла стол кругом. Шкатулка стояла ровно, будто её поставили с величайшей осторожностью. Никаких следов взлома на двери. Никаких признаков чужого присутствия. Окно закрыто. Задвижка цела.

И запах. От шкатулки пахло не лаком, не пылью, а тем самым — яблоками, тополиными почками и свежим деревом. Запахом её сна.

Ясиния глубоко вздохнула и взяла шкатулку в руки. Дерево оказалось тёплым — не нагретым от батареи, а живым, почти горячим. Крышка открылась беззвучно, и внутри, на бархатной подкладке выцветшего зелёного цвета, лежали три семени.

Три крошечных семени. Каждое — размером с ноготь, овальной формы, с шершавой коричневой скорлупой. И на каждом — то же клеймо: сова.

Ни записок. Ни инструкций. Никаких объяснений.

Ясиния опустила на стул. Очки она сняла и принялась протирать краем рукава — нервный жест, с детства выдававший её растерянность. Семена лежали на бархате и, казалось, смотрели на неё. Как та серая сова из оранжереи. Как сова из городского сада её сна. Как все совы, которых она когда-то мечтала вернуть.

— Кто? — прошептала она вслух. — Кто тебя принёс?

Ответа не было. Только Маяк за окном мерно пульсиро-

вал зелёным, и пар в радиаторе тихо постукивал в такт.

Она попыталась рассуждать здраво. Кто мог войти в её квартиру? Дознаватель Корвус? Нет, Хранители не оставляют подарков — они оставляют повестки. Капитан Вельм? Он мог — в благодарность за то, что она не сдала его окончательно. Но Вельм был простым капитаном и в жизни не держал в руках такой тонкой работы. Да и откуда у него семена — в Медном Кулаке семян не было уже полвека.

Голос в паре?

При этой мысли холодок пробежал по спине. Пар говорил с ней голосом отца. Пар сказал: «Ты дала нам день своей жизни. Этого хватит, чтобы всё запустить». Пар признался, что хранил тепло отца пятнадцать лет. Пар оставил ей серое перо в трюме «Серой Совы».

Мог ли пар материализовать шкатулку? Или это сделал кто-то, пришедший с Внешним Воздухом?

Она снова посмотрела на семена. Клеймо в виде совы было выжжено с ювелирной точностью — не грубое тавро, а почти миниатюра. Крошечные перья, крошечные крылья. Таковую работу мог бы сделать отец — он любил вырезать по дереву в свободные часы. Но отец погиб. И даже если бы он выжил, он никогда бы не стал резать сову. Он знал: его дочь мечтает о совах, но он также знал, что сов в Медном Кулаке больше нет.

Или знал не всё?

Ясиния закрыла шкатулку и поставила на стол. Сердце ко-

лотилось, мысли путались. Она заставила себя дышать по счёту: пятнадцать вдохов, как учил отец. Вдох — раз. Выдох — два. К пятнадцати паника обычно отступала. К пятнадцати можно было думать.

Итак. Факты.

Первое: прошлой ночью ей приснился сон — такой яркий, что она проснулась с занозой в пальце.

Второе: во сне отец сказал, что она запустила нечто важное. «Этого хватит, чтобы всё запустить».

Третье: утром на столе обнаружилась шкатулка из незнакомого дерева с тремя семенами внутри. Шкатулка пахнет так же, как пах сон.

Четвёртое: на семенах — клеймо совы, той самой, которую она рисовала в детстве и которую видела в оранжерее.

Пятое: никто из живых не мог принести эту шкатулку. Никто из живых не знал про её тетрадь, про рисунок совы, про детскую мечту.

Ясиния встала и подошла к окну. Маяк пульсировал — размеренно, спокойно, не так лихорадочно, как в Восьмой день. Город внизу просыпался: скрипели первые баржи, гремели цепи, где-то далеко кричал разносчик угля. Обычное утро Медного Кулака. И при этом — ничего обычного.

— Пап, — сказала она тихо, — ты мне их прислал? Или это пар? Или Внешний Воздух?

Ответа не было. Но в груди росло странное, почти забытое чувство. Предвкушение. Трепет. То самое, которое она

испытывала в пятнадцать лет, склоняясь над тетрадью с расчётами. Тогда ей казалось, что она стоит на пороге великого открытия. Сейчас ей казалось то же самое.

Она принесла с кухни лупу и разложила семена на столе. Первое — чуть крупнее остальных, с заметной трещинкой на скорлупе, будто оно уже начинало прорастать. Второе — идеально гладкое, тёмно-коричневое, с едва заметным маслянистым блеском. Третье — самое маленькое, светлое, почти золотистое в утреннем свете.

На каждом — сова. Одно и то же изображение, но при внимательном рассмотрении Ясиния заметила разницу. У первого семени сова смотрела влево. У второго — прямо. У третьего — вправо. Как будто одно существо постепенно поворачивало голову.

Прошлое, настоящее и будущее. Или рождение, жизнь и смерть. Или начало, середина и конец пути.

Она не знала, что это значит. Но отец когда-то говорил: «Пар помнит. Дерево помнит. Даже камень помнит. Надо только уметь спрашивать».

Ясиния не умела спрашивать у дерева. Она умела только считать уголь и составлять отчёты. Но она умела ещё кое-что: ждать, наблюдать и делать выводы. Лисье чутьё и совиное зрение — вот её инструменты.

Она просидела над шкатулкой до полудня. Изучила каждое семечко, каждый миллиметр дерева. Понюхала, потрогала, даже попробовала на зуб — скорлупа оказалась твёрдой,

как косточка финика, и отдавала чем-то пряным, почти как гвоздика. Она не нашла ни единой зацепки. Никаких скрытых надписей, никаких двойных доньев, никаких механизмов. Просто шкатулка. Просто три семени.

И всё же... что-то в этих семенах было. Что-то живое. Когда она сжимала их в ладони, ей казалось, что они пульсируют — не физически, а как-то иначе. Как будто внутри них билось крошечное сердце. Или не сердце, а что-то более древнее, более глубинное. То, что ждало своего часа шестьдесят лет. Или шестьсот.

Она вспомнила слова голоса в паре: «Ты дала нам день своей жизни. Этого хватит, чтобы всё запустить».

Запустить — что? Сов? Деревья? Сам Медный Кулак?

Или запустить её саму — ту Ясинию, которая пряталась за кипами деклараций и боялась поверить, что её мечта важна?

Она встала. Надела форменный китель, застегнула все пуговицы, поправила очки. Ей нужно было на службу — в канцелярии наверняка царил хаос после её вчерашнего бегства, и дознаватель Корвус, вероятно, уже составил рапорт. Но она не пошла в канцелярию.

Она пошла в архив.

Старый архивариус, господин Таллем, встретил её без удивления. После Восьмого дня в архив потянулись самые неожиданные посетители — механики, искавшие старые чертежи пневматических котлов; капитаны, выскивавшие карты воздушных течений; обычные горожане, желавшие

узнать хоть что-то о мире до Раскола.

— Инспектор Ясиния, — пробормотал он, протирая очки таким же жестом, каким она сама протирала свои. — Вы по делу или из любопытства?

— По делу, — сказала она. — Мне нужны все книги о ботанике.

Таллем поднял бровь. Ботаника была, пожалуй, самой бесполезной наукой в Медном Кулаке — здесь попросту нечего было ботанизировать.

— Все? — уточнил он.

— Все до единой.

Архив встретил её запахом старой бумаги и тлена. В отличие от оранжереи Хранителей, куда пускали только по спецпропускам, городской архив был открыт для всех — здесь просто никому не было дела до пыльных фолиантов. Ясиния провела здесь несколько часов в пятнадцать лет, выписывая латинские названия растений. Сейчас она вернулась сюда снова.

Таллем принёс стопку книг — неожиданно большую. «Флора Архипелагов», «Ботанический атлас Старого Мира», «Культивация древесных пород в условиях замкнутого цикла» и несколько тонких брошюр, изданных ещё до Раскола. Ясиния села за дальний стол и погрузилась в чтение.

Она искала упоминания о трёх семенах. О совином клейме. О дереве с красными прожилками.

Час проходил за часом. За окнами архивария сгущалась

вечная рыжая мгла. Маяк мерно пульсировал зелёным. Ясиния перелистывала страницы, делала пометки, сверяла иллюстрации. И почти ничего не находила. Растений с трёхчастной структурой было много — клевер, кислица, некоторые виды папоротников. Но ни одно из них не походило на её семена. Совиное клеймо не упоминалось нигде. Тем более — дерево с красными прожилками.

Она уже готова была сдаться, когда её палец наткнулся на короткую заметку — в «Ботаническом атласе Старого Мира», на двести сорок второй странице. Заметка была напечатана мелким шрифтом, почти петитом, и занимала всего один абзац:

«*Somnia arbor*, или Древо Сна. Редкий эндемик северных архипелагов. Отличается тёмной, почти чёрной древесиной с багровыми прожилками, необычайно твёрдой и маслянистой на ощупь. По свидетельствам местных жителей, древесина обладает свойством сохранять тепло и, возможно, передавать сновидения на расстоянии. Плод — трёхсемянная коробочка. Семена используют в ритуалах, связанных с культом птиц (точные виды не установлены). Последние образцы были утрачены после Раскола».

У Ясинии пересохло во рту. Древо Сна. Сохраняет тепло. Передаёт сновидения. Трёхсемянная коробочка.

Она захлопнула книгу и некоторое время сидела неподвижно. Значит, шкатулка была сделана из этого самого дерева. И тот факт, что она появилась в её комнате после сна,

— не совпадение. Древесина передала сон от отца. Или через отца. Или вместе с отцом.

Но кто вырезал шкатулку? Кто добыл семена? И главное — как они оказались на её столе?

— Господин Таллем, — позвала она, и архивариус поднял голову от своих бумаг. — Вы слышали о таком растении — *Somnia arbor*?

Таллем нахмурился.

— Дерево Сна? Это из старых легенд. Говорили, что оно росло на Восьмом острове, ещё до Раскола. Последнее такое дерево спилили при Хранителях — кажется, при первом Совете. С тех пор о нём никто не слышал.

— А семена? Кто-нибудь сохранил семена?

— Семена? — Таллем покачал головой. — Никто. Они считались священными у старых механиков. Кажется, их использовали для связи с паром. Или с чем-то за гранью. Но после Раскола всё исчезло. Или было спрятано. — Он помолчал. — А почему вы спрашиваете?

Ясиния не ответила. Она закрыла книгу и встала.

— Спасибо, господин Таллем. Вы мне очень помогли.

— Инспектор, — окликнул он её уже у двери. — Если вы что-то нашли... будьте осторожны. Хранители не любят, когда кто-то интересуется старыми легендами.

— Я всегда осторожна, — ответила она, и это было почти правдой.

Вечер застал её дома. Шкатулка по-прежнему стояла на

столе, три семени лежали на зелёном бархате. Ясиния зажгла масляную лампу и долго смотрела на них в неверном жёлтом свете.

Теперь она знала о них больше. Но вопросов стало только больше. Дерево Сна было уничтожено. Семена считались утраченными. Старые механики использовали их для связи с паром — или с чем-то за гранью. И Хранители, как всегда, были тут как тут.

Значит, шкатулка — не просто подарок. Это артефакт. Древний, запретный, возможно — опасный.

И тот, кто принёс его, рисковал жизнью.

— Кто ты? — прошептала она. — И что мне с ними делать?

Семена молчали. Сова на крышке смотрела всё так же пристально — выжженный рисунок, которому было, возможно, шестьдесят лет. А может, и все шестьсот.

Ясиния вспомнила отца. Его голос во сне: «Ты дала нам день своей жизни. Этого хватит, чтобы всё запустить».

Она вдруг поняла, что запускать придётся ей. Не Хранителям. Не Совету. Не капитанам барж. Ей — налоговому инспектору с круглым лицом и дурацкими очками, которая четыре года пряталась за грудой деклараций.

Она осторожно взяла одно семя — то, что с трещинкой, — и зажала в ладони. Тёплое. Почти горячее. И живое — она чувствовала это. Не сердцебиение, но что-то вроде него. Как будто крошечный росток уже пытался пробиться сквозь

скорлупу.

— Я не садовник, — сказала она ему. — Я даже цветов никогда не выращивала. У нас на Седьмом острове нет земли. Только камень и ржавчина.

Семя молчало.

— Я не знаю, что с тобой делать. Я даже не знаю, можно ли тебя поливать. Может, тебе нужен пар? Может, специальный раствор?

Семя молчало.

— Я не Избранная. Я просто налоговый.

Семя продолжало молчать. Но в его молчании ей почудилась ирония. Ну конечно. Налоговик, которая суёт нос в тайны Хранителей, говорит с паром и дружит с контрабандистами. Самый обычный налоговый.

Ясиния вздохнула. Положила семя обратно. Закрыла шкапулку и спрятала в ящик стола — подальше от любопытных глаз.

Но спать она легла не сразу. Ещё долго она стояла у окна, глядя на Маяк, и пальцы её машинально поглаживали занозу — крошечное свидетельство того, что сон был реальнее, чем казалось.

Где-то там, за гранью обычного мира, отец всё ещё строгал доски. Мать разливала кофе. Совы летали над городским садом. И кто-то — человек, пар или нечто третье, — пробирался в её квартиру, пока она спала, чтобы оставить три семени на столе.

Кто-то верил в неё. Кто-то знал, что она справится.
Осталось только понять — с чем именно.

Глава 7. Пробуждение вязов

Городской сад открыли через три дня после Восьмого дня. Ясиния узнала об этом из распоряжения, которое легло на ее стол вместе с десятком других бумаг, — администрация Седьмого острова решила, что озеленение поможет успокоить население. Идея была здравая: после того как Маяк пульсировал, пар говорил человеческими голосами, а Хранители объявили охоту на всех причастных к Внешнему Воздуху, горожанам требовалось хоть что-то привычное. Сад обещал стать этим привычным — тихим местом, где можно забыть о страхе.

Ясиния не собиралась туда идти. У нее были дела поважнее: неразобранные декларации, незаконченный отчет по Восьмому острову, дознаватель Корвус, который наверняка уже настрочил рапорт о ее бегстве. Но когда она проснулась в четвертое утро после Восьмого дня — снова с занозой в пальце, снова с запахом яблок и дерева в носу, — она поняла, что шкатулка на столе не даст ей покоя, пока она не сделает хоть что-нибудь. Семена требовали действия. Какого именно — она не знала, но лисье чутье подсказывало: ответы нужно искать не в архиве.

Она взяла с собой одно семя. То самое, с трещинкой на скорлупе, самое крупное из трех. Оно лежало в кармане кителя, теплое и почти невесомое, и при каждом шаге Ясинии

казалось, что оно прижимается к бедру, как живое существо.

Городской сад располагался на стыке Пятого и Шестого островов, где когда-то был грузовой терминал. Терминал закрыли лет двадцать назад — обветшал, стал опасен для барж, — и с тех пор площадка пустовала. Теперь здесь стояли ряды кадок с землей. Настоящей землей, привезенной откуда-то с Первого острова, — черной, рассыпчатой, пахнувшей совсем не так, как угольная пыль. Ясиния остановилась у входа и вдохнула. Земля пахла жизнью. И еще — тревогой.

В саду было немногочисленно. Пара садовников в серых фартуках копались у грядок, молоденький чиновник из администрации что-то записывал в блокнот, да пожилая женщина сидела на скамейке и кормила голубей крошками. Никакой магии, никакого пара, никаких говорящих радиаторов. Обычный сад. И все же Ясиния чувствовала: что-то не так.

Она прошла вдоль ряда кадок. В первой росли кусты — невысокие, корявые, с мелкими листьями. Во второй — бархатцы, жалкие и пыльные, но живые. В третьей — что-то вьющееся, опутавшее деревянную решетку. А в четвертой стоял вяз.

Ясиния узнала его сразу. Тот самый вяз из оранжереи Хранителей. Тот самый, на ветке которого сидела серая сова. Правда, сейчас он был совсем не таким, каким она его запомнила. Не высокий, не величественный, не священный. Маленький росток, пересаженный из кадки в кадку, с пожухлыми листьями и поникшей верхушкой.

Он умирал.

Она опустила на корточки перед кадкой. Листья вяза были скручены по краям, покрыты бурыми пятнами. Земля вокруг ствола потрескалась, хотя ее явно поливали — влажные разводы еще темнели на поверхности. Ясиния осторожно потрогала лист. Он был сухим и ломким, как бумага. Еще неделя — и от ростка останется только ствол.

— Что с ним? — спросила она, не оборачиваясь.

Садовник — пожилой мужчина с перепачканными землей руками — подошел и вздохнул.

— Вянет, — сказал он. — Все ростки вянут. Которые из оранжереи. Мы их пересадили, как велели, и земля хорошая, и вода, и свет от Маяка ровный... а они вянут. — Он покачал головой. — Господин из администрации говорит, почва истощена. Или воздух не тот. Или Раскол до сих пор сказывается.

— Или что-то другое, — тихо сказала Ясиния.

Она знала это чувство. Так бывало с ней самой последние четыре года: вроде бы все есть — работа, дом, кофе, — а внутри что-то умирает. Что-то, чему нет названия.

Она сунула руку в карман и нащупала семя. Оно было теплым — горячее, чем минуту назад. Как будто почуяло близость земли.

Ясиния огляделась. Садовник отошел к другой грядке. Чиновник по-прежнему строчил в блокноте. Женщина на скамейке задремала. Никто не смотрел.

— Ладно, — прошептала она. — Давай попробуем.

Она вытащила семя. На свету коричневая скорлупа отличалась медью, а трещинка — тонкая, почти незаметная — казалась глубже, чем утром. Сова, выжженная на боку семени, смотрела прямо на Ясинию.

Она разгребла землю у корней вяза — осторожно, чтобы не повредить корни, — и опустила семя в ямку. Присыпала землей, прижала ладонью. От семени шло тепло — такое же, как от шкатулки, как от отцовской ладони во сне. Ясиния замерла. Ей показалось, что земля под пальцами едва заметно вздрогнула.

— Давай, — прошептала она. — Ты же Дерево Сна. Ты должно уметь.

Сначала ничего не происходило.

Она просидела на корточках минуту, другую. Вяз оставался все тем же — пожухлым, скрученным, умирающим. Ветер с Шестого острова принес запах машинного масла и корицы. Вдалеке прогудела баржа. Ясиния уже хотела встать и уйти, чувствуя себя глупо — пришла в сад, закопала какое-то семя, на что-то надеялась, — когда лист вяза шевельнулся.

Она замерла.

Лист развернулся. Медленно, почти нерешительно, как бабочка, расправляющая крылья после выхода из кокона. Бурые пятна на его поверхности начали бледнеть — сначала по краям, потом к центру. Через полминуты лист был чистым, зеленым, и на нем проступили прожилки — не темные, как

обычно, а золотистые, почти янтарные.

Потом второй лист. Третий. Четвертый.

Вяз оживал. Не быстро, не медленно — тихо, неспешно, как просыпается человек после долгой болезни. Листья наливались соком, стебель выпрямлялся, кора из серой становилась коричневой. И все это происходило в полной тишине — только ветер шумел в кронах соседних кустов, только голуби ворковали на скамейке.

Ясиния смотрела, не веря глазам. Она поправила очки, потом сняла их, протерла, снова надела. Ничего не изменилось. Вяз был жив. И он был прекрасен.

Но это было еще не все.

Она почувствовала движение за спиной и обернулась. Птицы. Пять или шесть птиц кружили над садом — не голуби, не воробьи, а какие-то более крупные, с темным оперением. Они снижались кругами, и в их полете было что-то ритмичное, почти танцевальное. Ясиния не знала этих птиц — никогда не видела таких в Медном Кулаке. Но ей показалось, что они похожи на сов. Или на то, во что могли бы превратиться совы, если бы выжили.

Одна из птиц села на край кадки. Посмотрела на Ясинию. Глаза у нее были янтарные — точь-в-точь как у той серой совы из оранжереи. Точь-в-точь как искры в зрачках самой Ясинии.

— Ты видишь? — прошептала она птице. — Ты видишь, что здесь происходит?

Птица склонила голову набок. Потом взмыла в воздух и присоединилась к остальным.

Ясиния снова повернулась к вязу. Корни, которые она оголила при посадке семени, теперь были покрыты тонкой сеткой новых корешков. Они оплетали землю, уходили вглубь, и между ними — она видела это совершенно отчетливо — пульсировал крошечный росток. Не вяза. Чего-то другого. Чего-то с красноватым отливом на кончике.

Семя проросло. И делилось силой с вязом.

— Господин садовник, — позвала Ясиния, и голос ее прозвучал ровно, хотя внутри все дрожало. — Посмотрите на вяз.

Садовник подошел, вытирая руки о фартук. Остановился. Уставился на росток.

— Пар меня раздери, — выдохнул он. — Что вы с ним сделали?

— Ничего, — ответила Ясиния, и это было почти правдой. — Просто полила.

— Чем?

— Водой, — сказала она. — Обычной водой.

Садовник перевел взгляд с вяза на нее, потом снова на вяз. Листья блестели, как полированный янтарь. От ствола поднимался легкий парок — не пар машин, а пар дыхания, как бывает холодным утром. В воздухе пахло не машинным маслом, а лесом. Настоящим, живым лесом.

— Это невозможно, — сказал садовник.

— Возможно, — ответила Ясиния. — Просто вы не знали как.

Она не стала объяснять. Вместо этого она еще раз посмотрела на вяз, на птиц, на золотистые прожилки листьев — и ушла. Ей нужно было подумать. Нужно было понять, что произошло и что с этим делать.

Сад опустел только к вечеру. Садовники ушли, чиновник захлопнул блокнот и отправился в администрацию, женщина со скамейки давно проснулась и побрела домой. Ясиния вернулась, когда над Медным Кулаком сгустилась вечная рыжая мгла, а Маяк начал свою ночную пульсацию — размеренную, спокойную, почти убаюкивающую.

Она села на скамейку напротив вяза.

Росток больше не был пожухлым. За несколько часов он подрос на целую ладонь. Листья — теперь их было не четыре, а семь — светились в темноте слабым золотистым светом, и в этом свете Ясиния видела крошечные тени на земле. Тени листьев. Тени веток. Тень птицы, которая все еще кружила над садом — одна, самая упрямая.

— Откуда ты? — спросила Ясиния у семени. — Откуда берется сила?

Семя, разумеется, не ответило. Но Ясиния чувствовала: ответ где-то рядом. Он в земле, которая помнит Древо Сна. В паре, который помнит ее отца. В воздухе, который помнит Раскол. Сила не бралась ниоткуда — она всегда была здесь. Просто спала. Ждала.

Чего? Может быть, того самого дня, который Ясиния подарила пару. Может быть, того момента, когда она перестала прятаться за декларациями. Может быть, той минуты, когда она взяла семя и опустила его в землю.

Она потрогала пальцем золотистый лист. Он был теплым — не горячим, а по-животному теплым, как шерсть кошки или перья птицы. И он качнулся в ответ на прикосновение, будто узнал ее.

— Ты знаешь меня, — прошептала Ясиния. — Ты знаешь мой запах.

Лист качнулся снова. Или ей показалось.

Она подумала об отце. О том, как он говорил: «Может, из тебя выйдет не только счетовод». О том, как его ладони пахли машинным маслом. О том, как он погиб, потому что не захотел молчать.

Может быть, все это было не зря. Может быть, ее мечта о совах была не детской глупостью, а предчувствием. Может быть, все, что она делала — считала уголь, проверяла декларации, штрафовала капитанов, — было подготовкой. Тренировкой ответственности. Воспитанием силы.

Она не знала. И, возможно, никогда не узнает.

Но вяз был жив. Семя проросло. Птицы вернулись — или что-то, похожее на птиц. И это значило, что она сделала что-то правильное.

Ясиния встала. Поправила очки — красная оправка скользнула вверх. Сверилась с часами: половина двенадцатого. Она

провела в саду целый день и даже не заметила.

— Я вернусь, — сказала она вязу и птице, которая все еще кружила в темноте. — Завтра. И послезавтра. И буду приходить, пока ты не вырастешь.

Она не знала, что будет, когда он вырастет. Даст ли он плоды? Будут ли в них семена? Вырастут ли из них новые деревья? Или это просто одно-единственное чудо, которое умрет вместе с ней?

Но теперь — впервые за много дней — у нее была цель. Не отчеты. Не декларации. Не погоня за Хранителями. Цель, которую она выбрала сама.

Древо Сна. Вяз. Сова. Птицы. Сад.

И два оставшихся семени в шкатулке на столе.

У дома ее встретила тишина. Радиатор молчал. Маяк мерно пульсировал за окном. Ясиния сняла китель, завела будильник, положила очки на тумбу. И, прежде чем лечь, открыла шкатулку.

Два семени лежали на зеленом бархате. Одно темное, маслянистое. Другое светлое, почти золотое. И на обоих — сова. Одна смотрела прямо. Другая — вправо.

— Завтра посажу второе, — сказала она. — А третье пока полежит. Пусть будет. На всякий случай.

Она закрыла крышку. И заснула — без снов, без яблочного запаха, без отцовских ладоней. Просто крепким, здоровым сном человека, который сделал за день что-то важное.

Глава 8. Корни и пепел

Вельм ждал её на причале с самого рассвета.

Ясиния поняла это не сразу — сначала она просто заметила грузную фигуру, опирающуюся на чугунную тумбу, и трубку, из которой поднимался сизый дымок. Но когда подошла ближе, разглядела на плечах капитана капли конденсата, осевшие за ночь, и поняла: он простоял здесь не меньше часа. Может, больше. Лицо у него было усталое, глаза красные, но смотрел он бодрее, чем в любой из дней, когда Ясиния приходила к нему с проверкой.

— Капитан, — сказала она, останавливаясь в двух шагах. — Вы хотели меня видеть?

Вельм обернулся. Кивнул на «Серую Сову», которая покачивалась на привязи, и сказал:

— Прогуляемся? Баржа скучает без дела.

Они пошли вдоль причала. Утро было тихое, безветренное — редкость для Седьмого острова, где обычно гуляли сквозняки с Шестого, принося запах паровых лёгких и сероводорода. Сегодня воздух пах иначе: меньше корицы, больше металла, и ещё — чем-то горьковатым, как остывшая зола. Маяк на центральной башне горел ровно, без пульсации, и его зелёный свет смешивался с рыжей дымкой в странный коричневатый оттенок. Ясиния поправила очки и стала ждать. Она знала: Вельм не из тех, кто вызывает просто по-

болтать.

— Вы заметили? — спросил он наконец и обвёл рукой горизонт. — В городе тихо.

Ясиния кивнула. После Восьмого дня все ждали катастрофы — бунта, голода, новой волны репрессий от Хранителей. Но ничего не случилось. Город замер в странном, неестественном равновесии, которое пугало сильнее открытого хаоса.

— Тихо, — согласилась она. — И что с того?

— А то, что конфликтов стало меньше. — Вельм выбил трубку о перила, и пепел серой струйкой осыпался в воду. — Я сорок лет хожу по воздуху и знаю: когда в Медном Кулаке тихо, это значит, что где-то готовится большая буря. Но сейчас по-другому. Я не чувствую бури. Я чувствую что-то ещё.

— Что именно?

Вельм остановился. Посмотрел на неё — пристально, оценивающе, как смотрел когда-то во время проверок.

— Помните, вы сказали мне в трюме, в тот вечер? «Совы не вернутся, но это не значит, что не будет других птиц». Я тогда не понял. А теперь вижу. Вы что-то сделали, Ясиния. Что-то, чего я не понимаю. Но баржи это чувствуют. Пар чувствует. Даже уголь чувствует. Вчера на Восьмом острове встали три завода. Просто встали. Котлы исправны, давление в норме, а уголь не горит. Засыпаешь полную топку — он лежит и греет, но не горит. Как будто пар отказывается его принимать.

— Пар отказывается? — переспросила Ясиния. — Вы хо-

тите сказать, что это не поломка, а решение?

— Именно. Я говорил с механиками с Восьмого. Старый мастер Торвальд сказал, что пар больше не хочет угля. Что он хочет чего-то другого. — Вельм понизил голос. — Он сказал, что пар бормочет во сне. Вы представляете? Сны у пара. Раньше он просто жил. Теперь он видит сны. И в этих снах нет угля.

Ясиния медленно выдохнула. Вспомнила голос в радиаторе: «Мы хотим, чтобы Внешний Воздух вернулся». Вспомнила шкатулку, появившуюся на столе после сна. Вспомнила вяз, который ожил, когда она посадила семя. Всё это было связано. Пар, сны, семена, Внешний Воздух — всё тянулось в один узел.

— И что Совет?

— А что Совет? Они закрыли заводы на «профилактику». Объявили, что это временные перебои с качеством угля. Но уголь тот же самый, что и месяц назад. Я его вожу, я знаю. — Вельм помолчал и добавил тише: — Они что-то скрывают. Как всегда. Но теперь к этому прибавилось ещё кое-что. Баржи стали своенравными. Моя вчера отказалась подниматься с полным грузом. Полный трюм угля, а она не идёт. Стоит и гудит, как будто обиделась. Я оставил половину груза на причале — пошла. Быстрее, чем обычно. С меньшим грузом, а скорость выше. Ей не нужен уголь. Она хочет другого топлива.

— Какого топлива?

— Не знаю. Пар её теперь другой. Он пахнет не углём, а тем, чем пахнет ваш вяз. Землёй. Лесом. Жизнью.

Ясиния поправила очки. Этот жест уже стал рефлексом.

— Вы были в саду?

— Был вчера вечером. Когда подошёл к вашему вязу, «Серая Сова» загудела. Не сердито, а приветливо. Как будто узнала родню.

Чайки кричали над головой. Где-то далеко, на Первом острове, звонил колокол — размеренно, спокойно, не так, как в Восьмой день.

— Чего вы от меня хотите, капитан? — спросила Ясиния наконец.

— Не знаю. Но я подумал, что вы должны знать. Вы единственная, кто не испугался тогда, в трюме. Единственная, кто говорила с паром и выжила. Единственная, кто посадил что-то в этом проклятом саду и заставил это расти. — Он повернулся к ней и сказал с неожиданной серьёзностью: — Я не знаю, кто вы, Ясиния. Может, Избранная, может, просто упрямая женщина с семенами. Но если вам понадобится помощь — «Серая Сова» к вашим услугам. Бесплатно. В первый и последний раз в моей жизни.

— С чего такая щедрость?

— С того, что мой котёл сегодня утром заговорил. Он сказал «спасибо». За то, что вы сделали в трюме. За то, что слышали. Я сорок лет вожу уголь и думал, что пар — это просто машина. А он живой. И вы это знали до меня. Так

что — да, Ясиния. «Серая Сова» ваша. Если понадобится.

Ясиния стояла неподвижно. В горле стоял ком — от благодарности, от страха, от осознания, что всё зашло слишком далеко. Она начинала с простой проверки деклараций. Теперь у неё был живой вяз, говорящий котёл, капитан-союзник и враг в лице Совета.

— Я запомню, — сказала она наконец. — Спасибо, капитан.

— Не за что пока. И ещё одно, Ясиния. Будьте осторожны. Если пар меняется, если уголь перестаёт гореть, кто-то потеряет на этом деньги. Большие деньги. И этот кто-то сидит в Совете. Они не простят.

— Я знаю, — сказала она. — Но и я не прощу им заражённую землю.

Вельм удивлённо вскинул бровь, но спрашивать не стал. Лишь кивнул на прощание и зашагал к «Серой Сове».

В городском саду было тихо, но это была другая тишина — не тревожная, как в городе, а наполненная, живая. Шелестели листья. Жужжали какие-то насекомые, невесть откуда взявшиеся в Медном Кулаке. Птицы с тёмным оперением и янтарными глазами кружили над вязом, и их стало больше, чем раньше, — Ясиния насчитала не меньше трёх дюжин.

Вяз преобразился. За ночь он вырос ещё на две ладони и теперь возвышался над остальными кадками, как юный принц над толпой. Листья — их было уже девятнадцать — сияли тёплым золотистым светом, разгоняя утреннюю

мглу. Кора стала гладкой, тёмно-коричневой, с едва заметными красноватыми прожилками — точь-в-точь как древесина шкатулки. Ясиния опустила на корточки и приложила ладонь к земле у корней. Земля была тёплой и влажной, и где-то глубоко под ней пульсировала жизнь — размеренно, как сердце.

— Вы его посадили.

Она обернулась. Рядом стоял старик — тот самый садовник, которого она видела здесь прежде, но с которым ещё не говорила по-настоящему. Очень старый, лет восьмидесяти, а то и больше. Лицо в глубоких морщинах, похожих на трещины в коре старого дуба. Волосы белые, почти прозрачные, как пар. Глаза выцветшие, но живые. Опирался он на лопату, и лопата эта, судя по стёртому черенку, служила ему много лет.

— Простите? — переспросила Ясиния, выпрямляясь.

— Семя, — старик указал узловатым пальцем на вяз. — Вы посадили его рядом с корнями. Я видел. И дерево ожило. — Он помолчал и добавил тише, почти шёпотом: — Я думал, что никогда не увижу этого снова.

— Вы знаете, что это за семя?

Старик кивнул.

— Знаю. Это Древо Сна. *Somnia arbor*. Последнее росло на Восьмом острове, когда я был мальчишкой. Его спилили при первом Совете, аккуратно через год после Раскола. Хранители сказали, что оно опасно. Что его древесина сводит лю-

дей с ума, потому что показывает им сны о лучшем мире. — Он усмехнулся, и морщины на его лице сложились в карту прожитых лет. — Хранители всегда боялись снов. Сны нельзя контролировать. Нельзя обложить налогом. Нельзя посадить в тюрьму. А Хранители хотели контролировать всё.

— А семена? — спросила Ясиния. — Что делали с семенами?

Старик оперся на лопату обеими руками и посмотрел на вяз долгим, задумчивым взглядом. Птицы над его головой описали круг и сели на край кадки — три птицы, одна за другой, как на невидимую жёрдочку.

— Семена собирали. Старые механики, вроде вашего отца, верили, что в каждом семени спит мечта. Не просто растение, а именно мечта. Чья-то забытая надежда. Чьё-то несбывшееся желание. Говорили, что, если посадить такое семя с верой в сердце, оно прорастёт и вернёт мечту тому, кто её потерял. Или тому, кто готов её продолжить.

— Мечту? — переспросила Ясиния, и голос её дрогнул. — Какую мечту?

— Разную. Кто-то мечтал о лесе. Кто-то — о мире без угля. Кто-то — о птицах. — Он посмотрел на неё в упор, и в его выцветших глазах что-то блеснуло. — Вы ведь мечтали о совах, верно?

У Ясинии перехватило горло. Она никому не рассказывала о совах. Никому.

— Откуда вы знаете?

— Птицы, — старик кивнул на крылатых гостей. — Они вернулись. Не совы, нет — совы ушли навсегда, когда спилили последнее Дерево Сна. Но другие. Те, что питаются мечтами. Или, может, те, что разносят семена. Я не знаю точно. Я только знаю, что они прилетают, когда кто-то сажает семя с верой. И они остаются, пока дерево растёт.

Ясиния посмотрела на птиц. Они сидели рядком на кадке и смотрели на неё янтарными глазами — совсем как та сова из оранжереи, много лет назад. Сердце забилося чаще.

— Кто вы? — спросила она старика.

— Меня зовут Таро. Я работал в оранжерее Хранителей сорок лет. Я видел вашего отца. И я видел вас — тогда, девочкой, когда вы пришли с ним в первый раз. Вы смотрели на сову так, будто видели чудо. И я подумал: если кто и вернёт мечты, то эта рыжая девочка.

Ясиния молчала. Слова старика опускались в душу, как семена в землю, — медленно, но, верно. Она вспомнила отца, его ладони, его голос. Вспомнила тетрадь в дальнем ящике стола. Вспомнила, как сидела в трюме и отпускала свою мечту, думая, что та умерла.

— Моя мечта не умерла, — прошептала она. — Она просто заснула.

— Именно. Все мечты засыпают. Как семена. Они могут лежать в земле десятилетиями, но, если их посадить с любовью, они проснутся. — Таро помолчал и добавил: — Ваш отец знал это. Он хранил семена много лет. Думал, что ко-

гда-нибудь наступит день, и он сможет их посадить. Не наступил — для него. Но наступил для вас.

— Семена? — Ясиния замерла. — У отца были семена?

— Были. Три семени. Последние. — Таро посмотрел на неё с любопытством. — Разве не они лежат у вас в шкатулке?

У Ясинии закружилась голова. Она прислонилась спиной к кадке с вязом, чувствуя тепло древесины сквозь китель. Шкатулка. Три семени. Сова на крышке. Всё это было от отца. Не от пара, не от Внешнего Воздуха — от отца. Он хранил их пятнадцать лет. И кто-то — пар, или сон, или сам отец из-за грани — передал их ей.

— Я не знала, — сказала она тихо. — Я думала, это чудо.

— Чудо и есть. Просто чудо всегда имеет корни. Как ваше дерево. — Таро провёл рукой по стволу вяза, и листья на верхушке зашелестели в ответ. — Этот вяз — сын того самого, из оранжереи. Я вырастил его из черенка. Хранители думали, что он погиб, а я выходил. И сейчас он умирал, потому что ему не хватало... не знаю. Силы. Веры. Мечты. А вы дали ему всё это. Вы посадили семя, и он ожил.

— Я просто сделала то, что казалось правильным.

— Вот именно. Большинство людей не делают даже этого. Они ждут приказов. Ждут разрешения. Ждут, пока кто-то другой решит за них. А вы — нет. Вы пришли, увидели умирающее дерево и посадили семя. Вы не ждали, что кто-то сделает это за вас.

Ясиния хотела возразить, что она вовсе не такая смелая,

что она до сих пор боится, что каждое утро просыпается с мыслью о том, что всё это — ошибка. Но слова застряли в горле. Может быть, потому что Таро был прав. Может быть, потому что она и сама начинала в это верить.

— Расскажите о легенде, — попросила она вместо этого. — О сове. Вы сказали, что она — хранительница забытых мечтаний?

Таро помолчал, собираясь с мыслями. Птицы на кадке застухли, будто тоже приготовились слушать.

— Это старая история. Ещё до Раскола, когда Медный Кулак был частью большого мира, здесь жили совы. Настоящие совы. Не та серая, что в оранжерее, а сотни, тысячи. Они гнездились на деревьях, охотились по ночам, и люди считали их священными. Говорили, что совы забирают у людей мечты — не крадут, а берут на хранение. Когда человек засыпает, сова прилетает к его окну и забирает самую сокровенную мечту. Ту, которую он сам уже почти забыл. И уносит её в Древо Сна.

— Зачем? — спросила Ясиния.

— Чтобы сохранить. Люди часто отказываются от мечт. Боятся, ленятся, забывают. А сова помнит. Она прячет мечту в семени, а семя закапывает в землю под Древом. И мечта спит там до тех пор, пока кто-то не придёт и не посадит семя с верой. Тогда мечта просыпается и возвращается в мир.

— Но совы исчезли.

— Да. Когда спилили последнее Древо Сна, совы ушли.

Не умерли — ушли. Туда, куда уходят мечты, когда их больше негде хранить. — Таро помолчал. — Но остались эти птицы. Может быть, это потомки сов. Может быть, что-то другое. Но они прилетают, когда какая-то мечта просыпается. Значит, ваша мечта жива.

Ясиния смотрела на птиц, на золотистые листья вяза, на старика с его лопатой и морщинами. Всё это было слишком — слишком красиво, слишком невероятно, слишком похоже на сон. Но заноза на пальце и шкатулка на столе говорили: это правда.

— Я хочу посадить второе семя, — сказала она. — Сегодня.

Таро улыбнулся.

— Я знал, что вы это скажете.

Они выбрали место у дальней стены — там, где земля была рыхлой и тёмной, а свет Маяка падал ровным зелёным пятном. Ясиния достала из кармана второе семя — то, с маслянистым блеском, с совой, смотрящей прямо. Опустила его в ямку. Присыпала землёй. Прижала ладонью.

Земля ответила теплом.

— Отец говорил: «Ты дала нам день своей жизни. Этого хватит», — прошептала она. — Но я дам больше.

Таро ничего не сказал. Он просто стоял рядом и смотрел, как над вязом снова закружили птицы.

Чиновник явился около полудня.

Ясиния и Таро как раз заканчивали укреплять свежую по-

садку, когда в ворота сада вошли пятеро. Впереди — невысокий человек в сером административном пальто, с гладко выбритым лицом и неприятной, слишком правильной улыбкой. За ним — двое рабочих с топорами и мешками. И ещё двое в серых мундирах Хранителей, с баллонами умиряющего газа на поясах.

— Инспектор Ясиния, — сказал чиновник, и голос его был так же гладок, как лицо. — Рад, что застаю вас здесь. У меня распоряжение.

Ясиния выпрямилась и машинально поправила очки. Красная оправа скользнула вверх по переносице. Сердце забилось чаще, но голос остался ровным:

— Какое именно?

Чиновник извлёк из внутреннего кармана бумагу с печатью.

— Приказ Совета номер пятьдесят один. Санитарная вырубка. Все растения, демонстрирующие аномальные свойства, подлежат удалению. Ваш вяз — первый в списке.

— На каком основании?

— Аномальные свойства. Совет считает, что эти растения привлекают Внешний Воздух и дестабилизируют городские системы. Есть показания свидетелей, заключение экспертов и соображения безопасности.

— Каких экспертов? — Ясиния шагнула вперёд, заслоня собой кадку с вязом. — Назовите имена.

Чиновник чуть помедлил, но тут же овладел собой.

— Это закрытая информация.

— Тогда я требую открытого слушания. — Она говорила быстро, чеканя слова. — По законам Медного Кулака любое распоряжение Совета может быть обжаловано в надзорном комитете. Я хочу видеть протокол заседания, подписи всех членов Совета, заключения экспертов с указанием квалификации и акт обследования сада, заверенный независимой комиссией. Без этого ваше распоряжение — просто бумажка.

Чиновник побагровел. Рабочие переглянулись. Один из Хранителей — молодой, с неприятным, птичьим лицом — шагнул вперёд и положил руку на баллон с газом.

— Вы забываетесь, инспектор, — произнёс он. — После Восьмого дня все вопросы, связанные с Внешним Воздухом, находятся в ведении Ордена.

— А сад находится в ведении города, — отрезала Ясиния. — И пока Орден не предъявит документов о передаче полномочий, вы здесь никто.

Повисло напряжение. Птицы на ветвях вяза затихли, и три дюжины янтарных глаз уставились на пришедших. Хранитель помедлил, но руки с баллона не убрал.

— Вы совершаете ошибку, — процедил чиновник. — Совет проявляет снисхождение, а вы...

— А я требую законных оснований. — Ясиния не дала ему договорить. — И раз уж вы заговорили о Совете, позвольте спросить: вам знакомо имя Корнелий? Член Совета, владелец компании «Огниво», зарегистрированной на Четвёртом

острове. Компании, которая поставила для городского сада заражённую землю.

Чиновник замер. Улыбка сползла с его лица.

— Это... это ложь.

— Это документы. — Ясиния достала из кармана сложенный лист — выписку из накладных, которую подготовила накануне. — Кислотные соли, побочный продукт угольных заводов. Земля была не просто истощена — она была отравлена. Ростки вяза из оранжереи умирали не от недостатка ухода, а от того, что их корни разъедало ядом. И по странному совпадению, яд был произведён на заводах, принадлежащих господину Корнелию.

Она сделала шаг вперёд и протянула лист чиновнику — не чтобы отдать, а чтобы он увидел печати.

— Я налоговый инспектор. Я умею читать накладные. И я вижу цепочку. Кто-то в Совете намеренно саботирует проекты озеленения. Зачем? А затем, что если деревья вырастут, если пар перестанет жечь уголь, если люди увидят, что возможен другой мир, — кому тогда будут нужны угольные квоты? Кому будут нужны заводы? Кому будет нужен Совет, который шестьдесят лет врал, что Раскол вечен?

В саду стало тихо. Даже ветер стих. Рабочие опустили топоры. Молодой Хранитель переводил взгляд с Ясинии на чиновника и обратно. Старший Хранитель, стоявший до сих пор молча, вдруг заговорил:

— Это правда? — спросил он у чиновника. — Земля была

заражена?

— К-конечно нет! — Чиновник отшатнулся. — Это провокация! Инспектор пытается сорвать исполнение приказа!

— Правда, — тихо сказал Таро, до сих пор молча стоявший за спиной Ясинии. — Я садовник. Я знаю, как пахнет отравленная земля. Она пахнет кислым. И первые ростки умирали именно так — их корни чернели. А этот вяз, — он указал на сияющее деревце, — ожил только после того, как инспектор посадила рядом своё семя. Семя Древа Сна.

Старший Хранитель перевёл взгляд на вяз. На его золотистые листья. На парок, поднимающийся от корней. На птиц, застывших на ветвях. Что-то дрогнуло в его лице — то ли сомнение, то ли память.

— Древо Сна, — повторил он едва слышно. — Я думал, это легенда.

— Не легенда, — ответила Ясиния. — Как и саботаж Совета не легенда. И если вы сейчас срубите это дерево, вы станете соучастником. Подумайте, на чьей вы стороне.

Молодой Хранитель попытался что-то сказать, но старший остановил его жестом.

— Уходим, — произнёс он.

— Но приказ...

— Я сказал — уходим. — Он посмотрел на чиновника холодно. — Если инспектор права, приказ был получен обманным путём. А если нет — пусть Совет разбирается сам. Орден не будет жечь сад без веских оснований. По крайней

мере, сегодня.

Чиновник побледнел. Открыл рот, закрыл, снова открыл.

— Вы не понимаете! Корнелий...

— Корнелий может сам явиться сюда и объяснить, зачем он травил городскую землю, — оборвала его Ясиния. — Я буду ждать. В суде. Или в саду. Где ему будет угодно.

С минуту чиновник сверлил её взглядом. Потом резко развернулся и, не говоря ни слова, зашагал к выходу. Рабочие поплелись за ним. Хранители задержались на мгновение. Старший кивнул Ясинии — коротко, почти незаметно — и вышел следом.

Ворота захлопнулись. Тишина накрыла сад, как тёплое одеяло.

Ясиния опустилась на скамейку. Ноги дрожали. Она сняла очки и принялась протирать стёкла — медленно, тщательно, чтобы унять дрожь в пальцах.

— Вы справились, — сказал Таро, садясь рядом. — Я думал, они подожгут сад.

— Они ещё могут, — ответила Ясиния, надевая очки. — Но теперь у нас есть преимущество. Я знаю про саботаж. Про Корнелия. Если они тронут деревья, я обнародую документы.

— А они не тронут вас?

— Может, и тронут. — Она перевела дыхание. — Но я уже не одна. У меня есть вы. Есть Вельм. Есть те, кто видит, что мир меняется. Есть пар. Есть птицы. — Она посмотрела на

вяз, на его золотистые листья. — И есть два семени в земле.

Второе семя, посаженное у дальней стены, ещё не дало ростка, но земля над ним была тёплой и чуть заметно пульсировала — будто сердце билось где-то глубоко внизу. Ясения подошла к нему, опустилась на корточки и прижала ладонь к земле.

— Вырастешь, — прошептала она. — Обязательно вырастешь.

Птицы над вязом снова закружили — безмолвные, янтарноглазые, как посланники чьих-то несбывшихся снов.

А где-то далеко, на Первом острове, в зале Совета, господин Корнелий читал донесение от своего чиновника и всё сильнее хмурил лоб. Дела шли не так, как он планировал. В городе зрело что-то новое, чему он не мог дать названия. Что-то, чему не нужен был уголь. Что-то, чему нужны были только земля, вода и упрямая вера одной рыжей женщины с дурацкими очками на носу.

Маяк за окном пульсировал ровно и спокойно, и в его зелёном свете Корнелию чудился приговор. Старый мир уходил, и он ничего не мог с этим поделать.

Глава 9. Тень Маяка

Я заметила это не сразу. Слишком много всего обрушилось на меня после Восьмого дня: говорящий пар, шкатулка с семенами, вяз, который ожил под моими ладонями, чиновник Совета, бежавший из сада с угрозами. Я привыкла к тому, что мир меняется каждый день, и перестала удивляться. А зря. Потому что, когда перестаёшь удивляться, перестаёшь и замечать. Истина же прячется именно в мелочах — в тех крошечных несоответствиях, которые мой внутренний налоговый инспектор, натренированный годами сверок и проверок, просто не мог игнорировать.

В то утро я пришла в сад до рассвета. Спалось плохо — снова снился отец. Его голос, его руки в машинном масле, его слова, сказанные мне на ухо, когда мы стояли перед старой оранжереей: «Они боятся живого, птичка моя. Боятся, что деревья вырастут и уголь станет не нужен. Боятся, что воздух станет чистым и некому будет платить за фильтры. Боятся, что Маяк погаснет — и все увидят, что они не боги, а просто крысы, вцепившиеся в свои квоты». Тогда, в пятнадцать лет, я думала, что он говорит метафорами. Теперь понимала: он говорил буквально. И эта мысль жгла изнутри почище пара из разбитого котла.

Я проснулась с занозой в пальце — той самой, что появилась после первого сна об отце, — и долго сидела на крова-

ти, глядя на шкатулку. Тёмное дерево, багровые прожилки, сова на крышке. Семена внутри. Отцовское наследство, переданное не через нотариуса, а через пар, через сон, через самую ткань реальности. Я потрогала крышку — дерево было тёплым, почти горячим. Ждало чего-то.

В саду было тихо. Птицы ещё спали, съёжившись на ветвях вяза пушистыми комками. Таро ещё не пришёл. Я прошла вдоль грядок, машинально отмечая, что капуста подросла, что розмарин дал новые побеги, что маргаритки наконец оправились после пересадки, — и остановилась у центральной клумбы.

Бархатцы не раскрылись.

Три дня назад они обещали вот-вот распуститься — тугие оранжевые бутоны, полные сока. Я радовалась им, как ребёнок, потому что бархатцы были простыми, неприхотливыми, жизнерадостными — доказательством того, что сад возможен, что земля Медного Кулака ещё способна рождать. Теперь они стояли поникшие, съёжившиеся, замкнувшиеся в себе. Не засохли, не пожелтели — именно заснули. Лепестки были холодными и отстранёнными, будто цветок ушёл глубоко в себя, в спячку, из которой не хотел возвращаться.

Я опустила на корточки, потрогала один бутон. Холодный. Не мёртвый — спящий. Как будто сама жизнь внутри него остановилась по чьей-то команде.

— Что с вами? — прошептала я. — Вам же поливали. Земля чистая. Света достаточно.

Света.

Я подняла глаза к вершине центральной башни. Маяк пульсировал — размеренно, властно, заливая город изумрудным сиянием. И вдруг меня осенило. Все случаи за последние недели, когда растения в саду вдруг останавливались в росте. Мы списывали это на плохую землю, на кислотные соли, на саботаж Корнелия — и отчасти это была правда, земля действительно была заражена, я сама нашла тому документальное подтверждение. Но часть грядок была засыпана чистым грунтом, привезённым с Первого острова, — и на них тоже не всё росло. Маргаритки заснули и не проснулись. Бархатцы цепенели. А вяз — наш вяз, под которым спало семя Древа Сна, — рос только в те часы, когда Маяк пульсировал слабее. Я замечала это краем глаза, но списывала на погоду, на фазы луны, на что угодно.

Теперь всё встало на свои места.

— Таро! — позвала я, и старик появился из-за кустов, словно ждал моего зова. Он всегда появлялся именно тогда, когда был нужен, — то ли чутьё, то ли сорокалетняя привычка следить за каждым ростком.

Он подошёл, опираясь на лопату. Белые волосы серебрились от утреннего конденсата, лицо было спокойным, но в выцветших глазах я заметила тревогу — ту самую, которую он носил в себе все эти годы.

— Посмотрите, — сказала я, указывая на бархатцы.

Таро опустился на колени с трудом — суставы уже не гну-

лись как надо, годы брали своё. Потрогал землю, отломил крошечный кусочек стебля, растёр между пальцами, понюхал. Потом поднял глаза к Маяку.

— Опять, — сказал он тихо. — В прошлый раз так уснули маргаритки. Помните? Мы думали — земля. Но теперь земля чистая, я сам проверял, каждую горсть просеял. Это не земля. Это свет.

— Вы думаете, Маяк?..

— Я думаю, — медленно проговорил он, — что они построили его не только для освещения. — Он помолчал и добавил: — Когда я только начинал работать в оранжерее, старый садовник, мой учитель, рассказывал странные вещи. Говорил, что до Раскола здесь всё цвело. Что не было ни дымки, ни зелёного света. Что Маяк тогда был не зелёным, а золотым. И люди не боялись его — они приходили к нему, чтобы просить совета. А потом что-то случилось, и свет изменился. И всё живое начало умирать.

— Золотым, — повторила я, и внутри что-то щёлкнуло. — Золотым, а не зелёным. Как листья вяза. Как свет моего сна.

— Как свет Древа Сна, — кивнул Таро. — Я думаю, старый Маяк был связан с этими деревьями. Может быть, даже питался от них. А когда деревья спилили, он остался один — и те, кто пришёл к власти, перенастроили его под себя.

Мы обошли сад, грядку за грядкой, и закономерность проступила с пугающей ясностью. Растения в тени — под сте-

ной, под навесом, под кронами чахлых кустов — чувствовали себя нормально. Растения на открытых местах, под прямым лучом Маяка, цепенели. Не умирали — впадали в спячку. Как будто свет вытягивал из них волю к жизни.

— В оранжерее такого не было, — сказала я. — Там всё росло. Даже зимой.

— Потому что стекло задерживало часть излучения, — ответил Таро. — Я всегда это подозревал. Но спросить было не у кого. Хранители не отвечали на вопросы. Они вообще не любили вопросов.

Я смотрела на зелёное пламя, и в груди закипал гнев. Тот самый гнев, который я так хорошо знала: гнев на несправедливость, на ложь, на тех, кто душил жизнь, прикрываясь словами о безопасности. На тех, кто убил моего отца.

— Мне нужно в архив, — сказала я. — Немедленно.

В архиве пахло тленом и старыми чернилами. Господин Таллем, протирая очки — как всегда нервно, совсем как я, — провёл меня в дальний зал и принёс всё, что уцелело от эпохи до Раскола. Протоколы первого Совета. Технические схемы башни. Дневники механиков. Пожелтевшие брошюры с заголовками вроде «Свет, что хранит нас» и «Основы пневмоники для начинающих». Отдельно он положил передо мной тонкую папку, перевязанную выцветшей лентой.

— Это из личного архива Смотрителя Орвина, — сказал он, понизив голос. — Того самого, что погиб несколько лет назад. Он завещал передать это тому, кто придёт с правиль-

ными вопросами. Я думаю, этот человек — вы.

Я развязала ленту. Внутри лежали записи: схемы, дневниковые заметки, какие-то цифры. Почерк был мелкий, убогий, но разборчивый. Я начала читать — и уже через несколько минут поняла, что держу в руках ответ на вопрос, который мучил меня неделями.

Смотритель Орвин был не просто Хранителем. Он был учёным — одним из последних, кто ещё помнил дораскольную науку. Десятилетиями он изучал природу Маяка и пришёл к выводу, который стоил ему жизни.

Маяк не был построен Советом. Он был древним — гораздо древнее Раскола, гораздо древнее самого города. Его возвели ещё тогда, когда Медный Кулак был не городом, а святилищем, куда приходили люди со всего архипелага, чтобы говорить с Внешним Воздухом.

Внешний Воздух — так они называли живую магию, пронизывающую мир за пределами города. Это не был «воздух» в прямом смысле. Скорее, дыхание самой земли. Энергия, которая текла через камни, через воду, через корни деревьев. Она оживляла семена, будила древних существ, давала людям способность слышать язык птиц и шёпот пара. И Маяк был построен, чтобы эту энергию фокусировать — как линза фокусирует солнечный свет. Его кристалл на вершине башни собирал Внешний Воздух и распределял его по всему городу, питая и землю, и воду, и живых существ.

Но потом случился Раскол.

Никто не знал точно, что это было. Одни говорили — землетрясение. Другие — эксперимент древних, вышедший из-под контроля. Третьи — гнев самой земли, уставшей от жадности людей. Как бы то ни было, архипелаг треснул по геологическому шву, и связь с внешним миром оборвалась. Внешний Воздух перестал поступать в город — вернее, поступал, но дикими, неконтролируемыми порциями, которые могли и оживить сад, и разрушить здание.

Тогда-то и пришли к власти нынешний Совет и Хранители. Они не понимали магии — и решили, что безопаснее её запереть. Маяк перенастроили. Из линзы, фокусирующей жизнь, он превратился в барьер, жизнь подавляющий. Его зелёный свет не пропускал Внешний Воздух, а блокировал его. Деревья, неспособные расти без магии, умирали. Птицы улетали. Земля истощалась. Но Совету это было выгодно: пока город зависел от угля, пока воздух очищали паровые лёгкие, пока каждый глоток воды распределялся по квотам, — власть оставалась у них.

На полях одной из записей Орвин приписал: «Резонатор. Частота настроена на подавление аномалий. Аномалией они называют жизнь. Бойтесь тех, кто зовёт жизнь аномалией».

А ниже, уже знакомым почерком — почерком моего отца — было добавлено: «Я говорил с Орвином. Мы думаем, резонатор можно перенастроить обратно. Но это означает войну с Советом. Я готов. Орвин — нет. Он боится, что без щита город не выдержит. Мы спорим. Надеюсь, я успею его убе-

дить».

Не успел. Ни Орвина, ни себя. Обоих убили — одного через неделю после этой записи, другого через три месяца. Обоих выдали смерть за несчастный случай.

Я закрыла папку и долго сидела, глядя в стену. Передо мной лежала не просто схема Маяка — передо мной лежала история моего отца. История его борьбы и его смерти. И завещание: «Я готов». Значит, я тоже должна быть готова.

Вечером я собрала их в каюте «Серой Совы». Вельм курил трубку, хотя обычно никогда не курил на борту — боялся, что искра попадёт в паровую трубу. Видимо, сегодня ему было всё равно. Корвус сидел в углу, прямой, как клинок, и молча разглядывал схемы башни — те, что я принесла из архива. Таро устроился на ящике с инструментами, сложив руки на коленях, и смотрел на меня с тревогой и надеждой.

Я разложила бумаги на столе и рассказала им всё. Про бархатцы. Про архивы. Про Орвина и его дневники. Про то, что Маяк — не защитник, а клетка, построенная на фундаменте древнего святилища. Про то, что мой отец знал это и пытался перенастроить резонатор. И про то, что если мы хотим изменить город, нам нужно закончить то, что он начал: пробраться в башню, добраться до кристалла и вернуть его к первоначальной частоте.

— Частоте жизни, — сказал Таро. — Не подавления.

Вельм выбил трубку.

— Перенастроить, — повторил он. — Это как? Просто

войти в башню и повернуть рычаг?

— Я не знаю точно, — призналась я. — Но Корвус знает башню изнутри.

Все посмотрели на Корвуса. Тот долго молчал, потом заговорил — тихо, бесстрастно, словно читал донесение. Но я слышала в его голосе то, чего не было раньше: не холод, а горечь. Горечь человека, который слишком поздно узнал правду.

— Башня стоит на старом фундаменте, — начал он. — Внешний периметр — двенадцать постов. Днём патрулируют Хранители, ночью — наёмники из гильдии охраны. Внутренний периметр — ещё восемь постов, все из Ордена. Верхний ярус, где находится кристалл, закрыт для всех, кроме Верховного Смотрителя. Но есть старая техническая шахта в восточном крыле. Ею не пользовались десять лет, с тех пор как установили новый подъёмник. Если подняться по тросам и балкам, можно попасть прямо в камеру резонатора, минуя все посты.

— По тросам? — Вельм присвистнул. — На тридцатиметровую высоту? Леди-налоговик ползет по тросам?

— Я полезу с ней, — отрезал Корвус. — И восточный вход охраняет человек, который должен мне услугу. Пять лет назад его сына обвинили в контрабанде дораскольных семян. Вы же знаете закон: за хранение живых семян — виселица. Парню грозила смерть. Я подменил улики и закрыл дело. С тех пор стражник — мой должник. Он пропустит нас и про-

молчит.

В каюте повисла тишина. Я смотрела на Корвуса и видела то, чего не замечала раньше: не холодного дознавателя, а человека, который двадцать лет служил лжи, но не научился отличать правду. Человека, который потерял наставника и теперь пытался хоть что-то исправить.

— Почему вы это делаете, Корвус? — спросила я тихо. — Вы Хранитель. Пусть бывший. Почему идёте против Ордена?

Он долго молчал, глядя в стену. Потом заговорил, и голос его дрогнул — впервые на моей памяти:

— Я рассказывал вам об Орвине. О том, что он сказал мне перед смертью. Но я не рассказывал, что он был мне не просто наставником. — Корвус поднял глаза. — Он был моим отцом. Не по крови — по духу. Он вырастил меня, когда мои родители погибли при аварии на заводе. Он учил меня всему, что я знаю. И когда я нашёл его мёртвым, я понял: он погиб, потому что знал правду, которой не побоялся. А я, его ученик, его сын, двадцать лет служил тем, кто его убил. — Он перевёл дыхание. — Я не могу вернуть эти годы, Ясиния. Но я могу сделать так, чтобы его смерть была не напрасной.

Он замолчал. Я молчала тоже. Слова были не нужны — мы оба знали, что значит терять отца. И что значит идти по его следам.

Вельм кашлянул.

— Моя история попроще, — сказал он, и его голос про-

звучал неожиданно мягко. — Я старый контрабандист. Всю жизнь вожу уголь и вру в декларациях. Никаких высоких материй. Но когда моя баржа заговорила со мной, я вдруг понял: мир, в котором я жил, был не единственным. И даже не настоящим. — Он посмотрел на меня. — Знаете, что сказал мне котёл? Он сказал: «Ты возишь смерть». Я возил уголь сорок лет и думал, что помогаю городу. А он сказал — смерть. И я поверил. Потому что пар не лжёт. — Он кивнул на иллюминатор. — И когда вы пришли тогда, в трюм, и не испугались говорящего котла, я подумал: если эта рыжая девица в дурацких очках не боится, то и мне нечего.

— Мои очки не дурацкие, — машинально ответила я.

— Как скажете. — Вельм улыбнулся краешком губ. — Но вы их всё время поправляете, когда волнуетесь. И сейчас поправили.

Я опустила руку. Он был прав.

Таро заговорил последним. Его скрипучий голос прозвучал неожиданно твёрдо:

— Я сорок лет работал в оранжерее Хранителей. Я знал, что Маяк — не благо. Знал и молчал. Потому что боялся. Потому что у меня не было никого, за кого стоило бы бороться. — Он перевёл взгляд на меня. — Теперь есть. Есть вы, Ясиния. Есть вяз. Есть птицы. Есть надежда, что перед смертью я увижу, как этот проклятый город наконец задышит. И если ради этого нужно взять лопату и встретить патруль Совета — что ж, я готов.

Он посмотрел на меня, и в его выцветших глазах я прочла то, чего не видела раньше: решимость человека, который больше не боится. Которому есть за что умирать — и ради чего жить.

Я обвела их взглядом. Старый контрабандист, чей котёл заговорил о смерти и жизни. Бывший Хранитель, потерявший отца и ищущий искупления. Древний садовник, который сорок лет молчал, но больше не хотел молчать. И я — налоговый инспектор с круглым лицом, дурацкими очками и тремя семенами в кармане. Странная команда для спасения мира. Но другой у нас не было.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда слушайте план.

План был прост и безумен одновременно. Корвус ведёт меня в башню через восточную шахту сегодня же ночью — тянуть больше нельзя, Маяк усиливает подавление с каждым днём, ещё неделя, и вяз начнёт умирать, а птицы улетят. Вельм устраивает диверсию на угольных складах Первого острова — поджигает старые запасы, поднимает тревогу, отвлекает Хранителей от башни. Таро остаётся в саду и, если понадобится, принимает удар на себя.

— Они могут прийти снова, — предупредила я. — Как в прошлый раз, когда пытались вырубить вяз. Теперь у них есть приказ Совета, а не просто угрозы.

— Пусть приходят, — спокойно ответил Таро. — У меня есть лопата. И мне нечего терять.

Эти слова повисли в воздухе тяжёлым обещанием. Я хо-

тела возразить — сказать, что ему есть что терять, что он нужен саду, нужен мне, — но он посмотрел на меня так, что я замолчала. В его глазах была та же решимость, что и у отца на страницах дневника: «Я готов».

До ночи оставалось несколько часов. Я провела их в саду, сидя у вяза. Золотистые листья мягко светились в сумерках, и птицы — три дюжины молчаливых янтарноглазых стражей — сидели на ветвях, не шевелясь. Я достала из кармана последнее семя — маленькое, светлое, почти золотистое. Сова на нём смотрела вправо, в будущее.

— Если я не вернусь, — прошептала я, — ты всё равно вырастешь. Обещай мне.

Семя в ладони стало тёплым. Я почувствовала пульсацию — не физическую, а какую-то иную, словно внутри него билось крошечное сердце. Или не сердце — мечта. Та самая мечта, которую я когда-то записала в тетрадке, а потом отпустила в трюме «Серой Совы». Она не умерла. Она ждала.

Ночь проникновения выдалась безветренной. Зелёный свет Маяка заливал мостовые, делая город похожим на подводное царство. Мы с Корвусом шли быстро, держась в тени чугунных опор моста. Он молчал, я тоже. Все слова были сказаны. Осталось только дело.

Где-то далеко, на Первом острове, уже занималось зарево. Вельм поджёг угольные склады — не для ущерба, а для дыма и суеты. Вой сирен разрезал тишину. Хранители будут стягиваться туда, подальше от башни. У нас было не больше

часа.

Стражник у восточного входа — пожилой, с ввалившимися щеками и красными от недосыпа глазами — молча отступил в сторону. Он даже не взглянул на нас. Только прошептал, когда Корвус проходил мимо:

— Я рассчитался. Больше не просите.

— Не попрошу, — ответил Корвус. — Спасибо.

Мы шагнули в темноту башни.

Внутри гудело. Низкий, вибрирующий звук шёл откуда-то сверху и отдавался в костях. Коридоры были узкие, обшитые старым чугуном. На стенах — символы: спирали, круги, схематичные изображения птиц с расправленными крыльями. Не буквы, не руны — что-то более древнее.

— Дораскольная кладка, — прошептал Корвус. — Никто не знает, что означают эти знаки. Говорят, их оставили те, кто строил первый Маяк.

Я провела пальцами по спирали. Камень был тёплым. Как шкатулка. Как семя в кармане. Как отцовская ладонь в моём сне.

— Не легенды, — ответила я. — Всё это правда.

Мы дошли до восточной шахты. Решётка была снята — Корвус побывал здесь заранее. Тёмный провал уходил вверх, в бесконечность. Оттуда тянуло холодом и запахом — не угля, не масла, не корицы, а моря. Того самого моря, которого я никогда не видела, но которое снилось мне каждую ночь с тех пор, как в моих руках оказалась шкатулка.

— Тридцать метров, — сказал Корвус. — Только тросы и балки. Я пойду первым.

Он полез — легко, сноровисто, как человек, который делал это не раз. Я стиснула зубы и полезла следом. Трос врезался в ладони, ноги скользили по ржавым балкам, каждый рывок отдавался болью в плечах. Но я ползла, думая об отце. О том, как он сидел над схемами Маяка долгими ночами, пока я спала. О том, как он сказал мне за неделю до смерти: «Если со мной что-то случится, не бойся задавать вопросы. Вопросы — это то, чего они боятся больше всего». Тогда я не поняла. Теперь понимала.

На полпути я услышала голос — не голос даже, а шёпот, доносящийся от стен шахты. Сначала я подумала, что это пар, но потом узнала интонации. Это был отец. Вернее, эхо его голоса, сохранённое камнем, водой, временем.

«Ты дала нам день своей жизни, — шептал он. — Этого хватит, чтобы всё запустить».

И я лезла дальше.

Мы выбрались на верхний ярус. Здесь свет был плотным, почти осязаемым; в нём плавали пылинки, похожие на светлячков. Корвус остановился у массивной двери, за которой пульсировало особенно ярко.

— Дальше только вы, — сказал он. — Таковы правила. В камеру Маяка может войти лишь тот, кого позовёт кристалл. Меня он не звал. А вас, похоже, да.

— Почему вы так думаете?

— Потому что вы задаёте правильные вопросы, Ясиния.
— Он помолчал. — И потому что ваш отец тоже их задавал. Возможно, он не погиб. Возможно, он просто ушёл туда, куда уходят все, кто говорит с Маяком.

— Вы правда в это верите?

Корвус впервые за вечер посмотрел мне прямо в глаза.

— Я хочу в это верить, — сказал он. — Иначе всё это было зря. Идите. Если Маяк начнёт гаснуть, у вас будет несколько минут. Я буду ждать здесь. И. — он помедлил, — удачи, инспектор.

Я поправила очки — красная оправа скользнула вверх по переносице, — и толкнула дверь.

Центральная камера была круглой, огромной, как купол оранжереи. Зелёный свет лился отовсюду, но главный его источник парил в центре: кристалл в человеческий рост, ви-сящий в воздухе без опоры. Он пульсировал, как сердце, и внутри него двигались тени — текучие, как ртуть, как забытые сны. Я шагнула ближе и увидела, что тени складываются в образы: ветви деревьев, крылья птиц, лица людей. На мгновение — всего на одно биение сердца — я увидела лицо отца. Он улыбался.

— Ты пришла.

Голос прозвучал прямо в голове. Я не вздрогнула. Я ждала его.

— Ты Маяк? — спросила я.

— Я то, что осталось от Маяка. Или то, чем он должен

был стать. Когда-то я был мостом. Люди приходили сюда, чтобы говорить с Внешним Воздухом, просить землю о плодородии, а небо — о дожде. Мой свет был золотым, и в нём пели птицы. Но потом пришли те, кто испугался. Они не понимали магии — и решили, что безопаснее её запретить. Они перенастроили меня. Сделали из моста стену. И я исполнял их волю шестьдесят лет.

— Но теперь ты можешь иначе, — сказала я. — Что-то изменилось. После Восьмого дня.

— Да. Тот, кого ты называешь паром, тот, кто говорил с тобой голосом отца, — он пробил трещину. Его желание вернуть Внешний Воздух было таким сильным, что щит не выдержал. Теперь жизнь просачивается — через твои семена, через птиц, через уголь, который перестаёт гореть. Но этого мало. Рано или поздно щит захлопнется снова. Или разрушится окончательно, и тогда Внешний Воздух хлынет всем потоком. Я не знаю, выдержит ли город.

Я стояла перед кристаллом, и в груди билось сердце — гулко, как никогда. Выбор был тот самый, о котором говорил Таро, о котором писал Орвин в своём дневнике, о котором молчал отец, но который он сделал давным-давно. Оставить всё как есть — и город будет умирать медленно, предсказуемо, на сорок лет угля. Перезапустить Маяк — и либо вернуть его к изначальной гармонии, либо обрушить щит окончательно. Либо жизнь, либо хаос.

Я вспомнила всё, что привело меня сюда. Отца. Вельма.

Таро. Корвуса. Бархатцы, которые заснули. Птиц, которые ждали. Семя в моём кармане, которое обещало вырасти.

— Я хочу, чтобы город жил, — сказала я и положила ладонь на кристалл. — Не выживал. Не тянул. А жил. С деревьями, с птицами, с ветром, который пахнет морем, а не гарью. С мечтами, которые просыпаются, а не умирают. Я хочу, чтобы Маяк помогал этому, а не мешал.

Кристалл замерцал. Тени внутри него замерли, а потом начали двигаться — не хаотично, а складываясь в новый узор. Я увидела лицо отца. Он улыбался. И в этой улыбке было всё: гордость, любовь, прощание.

— Ты задала правильный вопрос, — произнёс Маяк. — Ты не спросила, безопасно ли это. Ты спросила, правильно ли это. А это разные вещи. — Он помолчал. — Твой отец задал тот же вопрос. Ему не дали ответить. Но ты — другое дело.

Свет запульсировал быстрее. Тепло от кристалла разлилось по ладони, по руке, по всему телу. В ушах зазвенело — тонко, протяжно, как пение ветра.

— Тогда держись, — сказал Маяк. — Я долго спал. Теперь я просыпаюсь.

И свет погас.

Я стояла в полной темноте, прижимая ладонь к холодному кристаллу, и слушала, как в тишине башни что-то просыпается. Это был не сам Маяк — тот спал шестьдесят лет и теперь просыпался. Это было что-то другое. Что-то глуб-

же. Что-то древнее. Что-то, что ждало этого момента с тех самых пор, как Раскол расколол мир. Дыхание земли. Внешний Воздух. Жизнь.

Где-то далеко, на Первом острове, догорали угольные склады. Где-то в саду Таро стоял с лопатой и смотрел, как гаснет зелёное пламя. Где-то Вельм переводил дух на причале, глядя на башню. Где-то Корвус ждал меня у двери, считая секунды.

А я стояла в темноте и ждала нового света. И когда он пришёл — уже не зелёный, а золотой, мягкий, как отцовская улыбка, — я поняла, что город наконец задышал.

И где-то в саду, под старым вязом, из земли показался крошечный росток. Третий. Последний. Он тянулся к новому свету, и на его единственном листе блестела капля росы — или, может быть, слеза. Слеза радости. Слеза прощания. Слеза начала.

Глава 10. Золотой свет и его цена

Темнота расслоилась не сразу.

Сначала исчезли все привычные звуки — те, что составляли шум Медного Кулака с самого моего рождения: шипение пара в трубах, лязг чугуна, дальний гудок баржи, идущей с Восьмого острова. Я стояла в полной тишине, прижимая ладонь к холодному кристаллу, и не могла понять, жива ли ещё. А потом в тишине прорезались новые звуки, и от них защипало в глазах.

Шелест — будто тысячи листьев одновременно разворачивались навстречу свету. Тонкий звон — словно воздух дрожал после удара по натянутой струне. И где-то совсем глубоко, под слоями чугуна и камня, ровный, спокойный гул, от которого вибрировало в груди. Так дышит земля. Не паровые лёгкие на Шестом острове, не котлы, не машины — сама земля, живая, настоящая, которую никто не слышал шестьдесят лет.

Я никогда не слышала, как дышит земля. В Медном Кулаке это было невозможно: здесь всё заглушалось шипением пара, лязгом чугуна, гудками барж. А теперь, в тишине погасшего Маяка, я слышала то, чего не слышал никто из живущих. И от этого звука по щекам текли слёзы — не боли, не страха, а какого-то безмерного, всепоглощающего узнавания. Будто я вернулась домой, где никогда не была.

А потом пришёл свет.

Он не вспыхнул, как зелёный. Зелёный давил, проникал, навязывал себя. Золотой — просачивался. Сначала тонкая нить между пылинками, дрожащая и нерешительная, как первый росток весной. Потом рябь, расходящаяся кругами по воде. Потом волна — мягкая, тёплая, обтекающая стены, пол, потолок, меня саму.

Тепло от кристалла поднялось по руке к плечу, разлилось по груди, опустилось в живот, в кончики пальцев ног. Не жар угля — грубый, обжигающий, требующий немедленного действия. Не обжигающий пар, от которого нужно отдёргивать руку. Это было тепло, от которого хотелось расправить плечи и вдохнуть полной грудью. Тепло, похожее на отцовскую ладонь из моего сна. Тепло, похожее на объятия матери на том крыльце, которого никогда не было.

Но вместе с теплом пришла и тяжесть.

Не физическая. Никакой груз не давил на плечи, никакая усталость не сковывала мышцы. Это было иначе — ощущение, будто мне на плечи положили карту города. Не бумажную, а живую. Каждая улица, каждый дом, каждый человек в Медном Кулаке теперь «звучал» во мне отдельной нотой. Я слышала их — не ушами, а чем-то более глубоким. Сердцем? Душой? Тем, что Таро называл «дыханием мира»?

На Первом острове кто-то плакал — тихо, безнадёжно, уткнувшись лицом в подушку. На Третьем острове двое рабочих спорили о квотах, и в их голосах звенел страх перед

завтрашним днём. На Шестом, у паровых лёгких, старый механик сидел на корточках и смотрел, как гаснет его котёл, — не со злостью, а с пустотой человека, который вдруг понял, что всё, чему он служил, было ложью. На Седьмом острове молодая женщина прижимала к груди младенца и шептала. «Тихо, тихо, всё будет хорошо», — хотя сама не верила в это.

И среди этих нот были тревожные — резкие, надломленные, будто кто-то дёргал струны слишком сильно, так что они готовы были лопнуть. Я слышала их особенно ясно, и от этого звука внутри всё сжималось.

«Ты хотела, чтобы город жил, — раздался внутри меня голос Маяка. Теперь он не был пугающим, не был давящим. Он звучал устало, как у человека, который долго нёс тяжёлый груз и наконец может его опустить. — Теперь ты чувствуешь, что это значит. Жизнь — это не только рост. Это боль, когда корни натыкаются на камень. Это страх, когда ветер слишком сильный. Это выбор, который приходится делать снова и снова. Каждый день. Каждую минуту. Ты готова к этому, Ясиния?»

Я не ответила сразу. Я стояла, прижимая ладонь к тёплому кристаллу, и слушала город. Слушала его боль, его страх, его надежду. И понимала: нет, я не готова. Никто не может быть готов к такому. Но это не имело значения.

— Я готова, — сказала я вслух. — Не потому, что не боюсь. А потому, что больше не хочу прятаться.

Маяк не ответил. Но тепло от кристалла стало сильнее —

не обжигаящим, а обнимающим. Как будто кто-то невидимый положил руку мне на плечо. И я поняла: он услышал.

Я отняла руку. Свет не погас — он держался сам, как держится пламя, которому наконец дали воздух. И тогда я огляделась — и ахнула.

В золотом свете камера выглядела иначе. На стенах, которые раньше казались просто грубым чугуном, проступили узоры. Не те скупые спирали и круги, что я видел в коридорах, — целые картины. Птицы, летящие сквозь облака. Деревья с корнями, уходящими в глубину, туда, где не было ни камня, ни металла, а только живая земля. Люди, стоящие кругом и держащиеся за руки. И где-то среди них — я замерла, боясь дышать, — стоял знакомый силуэт. Высокий, сутулый, с руками, которые я помнила вечно перепачканными машинным маслом. Отец.

Он не махал рукой, не звал меня, не делал шага навстречу. Он просто стоял и смотрел — так, как смотрел когда-то, когда я впервые показала ему свою тетрадь с расчётами. «Может, из тебя выйдет не только счетовод», — сказал он тогда. И теперь в его взгляде я читала то же самое, только глубже: «Я знал, что ты справишься. Но это только начало».

— Папа, — прошептала я, и голос сорвался.

Силуэт не ответил. Он медленно растворялся в золотом свете, как утренний туман над причалами. Но, прежде чем исчезнуть совсем, он поднял руку — не для прощания, а для благословения. Или для предупреждения. Я не знала точно,

но внутри что-то дрогнуло.

Я вышла из камеры. Ноги держали с трудом, но это была не слабость — скорее, опустошение. Как будто я разом прожила несколько жизней и теперь возвращалась в свою собственную.

Корвус стоял там же, где я его оставила, — прямой, напряжённый, с рукой на рукояти старого ножа. Когда он увидел меня, его лицо изменилось неувлимо. Он ожидал увидеть следы борьбы, ожоги от зелёного света, страх. А увидел — усталость и что-то ещё. Что-то, чего он не мог назвать, но что заставило его нахмуриться.

— Ты жива, — сказал он, и в его голосе прозвучало облегчение, которое он тут же спрятал за привычной сухостью. — И свет... он другой.

— Золотой, — ответила я, и сама удивилась, как просто звучат эти слова. — Он был таким раньше. До Раскола. До Совета. До всего.

Корвус кивнул — медленно, словно подтверждая то, о чём он давно догадывался, но боялся поверить.

— Орвин говорил мне, — тихо произнёс он. — Перед смертью. Он сказал: «Однажды ты увидишь золотой свет, и тогда поймёшь, что мы были не стражами, а тюремщиками». Я не понял тогда. Думал — бред умирающего. — Он поднял глаза к свету, люющемуся из камеры. — Теперь понимаю. Жаль, что поздно.

— Не поздно, — сказала я. — Никогда не поздно.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, и в его глазах я увидела то, чего не видела раньше: не холод, не расчёт, не вину. А надежду. Робкую, спрятанную глубоко, но живую.

— Тогда нам нужно уходить, — сказал он, возвращаясь к делу. — Пока Хранители не поняли, что произошло. Пока они не попытались всё исправить по-своему.

Мы спустились по шахте. Теперь спуск казался легче — то ли потому, что вниз, а не вверх, то ли потому, что золотой свет лился за нами следом, делая даже ржавые балки почти красивыми. Я больше не считала метры — просто переставляла руки и ноги, думая о том, что теперь будет с городом. С садом. С людьми.

Внизу, у выхода, нас ждал сюрприз.

Стражник, который пропустил нас ночью, лежал на полу. Лицо его было бледным, губы — синеватыми, глаза — открытыми и неподвижными. Рядом валялся маленький пузырёк из тёмного стекла, и в нём ещё блестели остатки прозрачной жидкости.

Корвус наклонился, поднял пузырёк, понюхал — и отдёргнул руку, будто обжёгся.

— «Слёзы пара», — сказал он. — Быстрый яд, без запаха, без вкуса. Орден использует его для устранения неудобных.

— Но почему? — Я опустилась на колени рядом со стражником. — Он же помог нам. Он никого не предавал.

— Он был свидетелем. — Корвус говорил спокойно, но в его голосе звенела старая, застарелая ярость. — Орден не

оставляет свидетелей. Даже если это их собственные люди. Особенно если это их собственные люди.

Я смотрела на пузырьёк и чувствовала, как внутри поднимается гнев — тот самый, который я так хорошо знала. Гнев на несправедливость. На жестокость. На тех, кто убивал, прикрываясь словами о порядке. Я вспомнила отца. Вспомнила Орвина. Вспомнила всех, кого Совет убрал за последние шестьдесят лет. И теперь к этому списку добавился ещё один человек — пожилой стражник, который просто хотел вернуть долг.

— Мы не можем его здесь оставить, — сказала я.

— Можем, — резко ответил Корвус, но тут же смягчился. — Прости. Я знаю, что ты хочешь поступить правильно. Но если мы задержимся, нас поймают. А если нас поймают, всё, что ты сделала наверху, будет зря.

Я сжала кулаки. Мне хотелось кричать. Хотелось разбить что-нибудь. Хотелось вернуть время назад и сделать так, чтобы этот человек никогда не был втянут в нашу историю. Но Корвус был прав. И я ненавидела его за эту правоту так же сильно, как уважала.

— Хорошо, — сказала я, и сама удивилась, как спокойно прозвучал мой голос. — Но я запомню его лицо. Я запомню каждый шрам, каждую морщину. И когда придёт время, я расскажу всем, что он сделал. И его сын, который живёт на Шестом острове и ничего не знает, узнает, что его отец был не просто стражником. Он был человеком, который помог

вернуть городу свет.

Корвус молча смотрел на меня. Потом кивнул — коротко, уважительно.

— Хорошо, — сказал он. — А теперь идём.

Мы вышли на улицу. И я замерла.

Город выглядел странно. В золотом свете даже чугунные опоры мостов казались мягче, а тени — не такими чёрными. В воздухе пахло не углём, не корицей, не сероводородом — а морем. Тем самым морем, которого я никогда не видела, но которое снилось мне каждую ночь с тех пор, как в моих руках оказалась шкатулка. Люди стояли на порогах домов и смотрели в небо. На их лицах читалась растерянность — они не понимали, что происходит, но чувствовали: что-то изменилось. Что-то огромное. Что-то необратимое.

И при этом в воздухе висела тревога — не тихая, не спрятанная, а громкая, как натянутая струна перед тем, как лопнуть.

На Первом острове, у причала, Вельм стоял и смотрел на догорающие угольные склады. Дым поднимался в небо, но теперь он был не чёрным — серовато-золотистым, будто в него добавили светящейся пылицы. Старый контрабандист курил трубку — последнюю, как он решил, — и чувствовал себя странно. Опустошённым. И в то же время лёгким. Как будто он сбросил с плеч груз, который носил сорок лет и к которому так привык, что перестал замечать.

Когда он поджигал склады, то думал только об одном: от-

влечь Хранителей, дать Ясинии время. Это было простое, практическое решение — диверсия, не более. Но теперь, глядя на огонь, он понимал, что сделал больше, чем просто устроил пожар. Он сжёг часть своей прошлой жизни. Ту часть, где он возил уголь и считал это нормой. Ту часть, где он врал в декларациях и думал, что это безобидно. Ту часть, где он не задавал вопросов.

— Эй, дядя!

Вельм обернулся. К нему бежал мальчишка-посыльный — запыхавшийся, с красными от дыма глазами, в перепачканном сажей плаще.

— Тебя ищут! — выпалил он. — Хранители! Говорят, это ты поджёг склады! У них приказ — хватать всех, кто замешан!

Вельм усмехнулся и выпустил клуб дыма.

— Ну, если скажут, что я контрабандист, — это правда. Если скажут, что я поджёг, — тоже правда. — Он помолчал, глядя на огонь. — Но знаешь, что самое смешное? Я впервые за сорок лет чувствую, что делаю что-то правильное.

Мальчишка смотрел на него с недоумением и страхом. Он привык, что взрослые либо боятся Хранителей, либо служат им, либо молчат, опустив глаза, либо кричат о своей лояльности Совету. А этот старый контрабандист улыбался, глядя на пожар, и говорил странные вещи.

— Беги домой, — сказал Вельм мягко. — И скажи родителям, чтобы не верили всему, что будут говорить по гром-

коговорителям. Скажи им, что город меняется. Даже если они не хотят этого видеть. Особенно если не хотят.

Мальчишка кивнул — непонимающе, но послушно — и убежал. Вельм остался один. Он докурил трубку, выбил пепел о перила и поднял голову. Над башней Маяка разливался золотой свет — не отблеск пожара, не игра облаков, а что-то другое. Что-то, что он не мог объяснить, но что заставляло его сердце биться быстрее.

— Получилось, — прошептал он. — Рыжая, ты всё-таки сделала это.

И улыбнулся — широко, открыто, как не улыбался с тех пор, как был мальчишкой.

В саду на Седьмом острове Таро стоял, сжимая в руках лопату, как будто это был не садовый инструмент, а меч. Он знал, что Хранители могут прийти в любую минуту. Он был готов. Но когда зелёный свет Маяка погас и на его месте начал разливаться золотой, старый садовник почувствовал, как по спине пробегает холодок — не от страха, а от чего-то другого. От узнавания.

Он опустил лопату и поднял глаза к небу. Птицы, которые сидели на ветвях вяза — три дюжины молчаливых янтарноглазых стражей, — вдруг взлетели. Не разлетелись в панике, не бросились врассыпную. Они поднялись вверх плавным, торжественным потоком, образуя в воздухе узор, похожий на тот, что был на стенах башни, — спираль, уходящую в бесконечность. И впервые за долгое время они запели. Не закри-

чали, не заклекотали — именно запели, тонкими, чистыми голосами, от которых у Таро защипало в носу.

Он помнил это пение. Он слышал его в детстве, до Раскола, до того, как мир стал серым, до того, как Маяк стал зелёным. Тогда птицы ещё пели, и он, маленький мальчик, сидел на пороге дома и слушал их, и думал, что так будет всегда. Потом всё изменилось. Но теперь — теперь они пели снова.

И тут он заметил, что бархатцы на центральной клумбе — те самые, что ещё утром были поникшими и замкнувшимися в себе, — начинают раскрывать лепестки. Не все сразу, а по одному, медленно, как будто пробуждаются от долгого, тяжёлого сна. Маргаритки выпрямлялись, листья розмарина становились ярче, даже земля пахла иначе — не углём и ржавчиной, а влажной травой и цветами. Как в оранжерее. Как в том мире, которого больше не было.

Таро улыбнулся. Он сорок лет работал в оранжерее, сорок лет ждал чуда — и вот оно пришло. Не громогласное, не драматичное, а тихое, как раскрывающийся бутон.

Но радость длилась недолго.

Из-за стены, окружавшей сад, появились фигуры в серых плащах. Хранители. Их лица скрывали капюшоны, но Таро знал, зачем они пришли. Они почувствовали, что что-то изменилось, — и хотели это исправить. Уничтожить. Подавить, как подавляли всё живое последние шестьдесят лет.

— Уходите, — сказал Таро, поднимая лопату. Голос его прозвучал неожиданно твёрдо. — Здесь вам нечего делать.

Один из Хранителей — видимо, старший — сделал шаг вперёд. В руке у него было устройство, похожее на маленький громкоговоритель. Но Таро знал: это не для звука. Это оружие. Излучатель того самого зелёного света, который душил жизнь.

— Ты нарушаешь порядок, — произнёс Хранитель механическим голосом. — Растения не должны расти так быстро. Это аномалия. Мы должны её устранить.

— А жизнь — это аномалия для вас, да? — ответил Таро, и сам удивился, как спокойно звучит его голос. — Тогда я — самая большая аномалия в этом городе. Потому что я люблю жизнь. Я люблю её сорок лет — с тех пор, как посадил свой первый росток. И я не дам вам её уничтожить.

Хранители переглянулись. Они не привыкли, что им возражают. Садовник, старик с лопатой, должен был дрожать от страха и умолять о пощаде. А он стоял, расправив плечи, и смотрел на них так, будто это они были нарушителями, а он — стражем.

Старший Хранитель поднял излучатель. Таро закрыл глаза. Он не боялся — не за себя. За сад. За вяз. За птиц. За Ясинию, которая сейчас была где-то там, в башне, и не знала, что её сад в опасности. Он думал о том, что успел увидеть за свою долгую жизнь: как распускаются цветы, как поют птицы, как смеётся рыжая девочка, впервые увидевшая, что вяз дал росток. Этого было достаточно.

И в этот момент, когда палец Хранителя лёг на кнопку

излучателя, в воздухе раздался звук. Не крик, не гудок, не сирена — что-то среднее между пением птицы и звоном стекла. Птицы, которые кружили над садом, вдруг бросились вниз — не на людей, а перед ними, образуя живую стену из перьев, клювов и янтарных глаз. Они не нападали. Они просто висели в воздухе, перегораживая путь, и пели. И этот звук проникал под кожу, заставлял вспомнить то, что Хранители давно забыли: тепло солнца, запах травы, тихое уханье совы в ночи.

Хранители остановились. Они не боялись птиц — их тренировали не бояться ничего. Но этот звук, этот золотой свет, эти растения, растущие прямо из чугуна, — всё это было слишком. Слишком для людей, которые привыкли к порядку. Слишком для тех, кто шестьдесят лет подавлял жизнь.

Старший Хранитель опустил излучатель. Его лицо осталось скрытым капюшоном, но Таро видел, как дрогнула его рука.

— Уходим, — сказал он своим людям. — Здесь мы ничего не сделаем.

— Но приказ Совета... — начал было один из них.

— Я сказал — уходим. — Он повернулся и зашагал прочь. Остальные, поколебавшись, последовали за ним.

Таро выдохнул. Птицы, всё ещё висая в воздухе, постепенно успокаивались, их пение становилось тише. Он опустил лопату и присел на скамейку у вяза. Руки дрожали, но на душе было спокойно.

— Спасибо, — прошептал он птицам. — Спасибо, родные.

Пока Ясиния и Корвус выбирались из башни, пока Вельм стоял на причале, пока Таро защищал сад, по всему городу происходили странные вещи. Угольные котлы на заводах шипели и гасли — не потому, что ломались, а потому, что уголь больше не хотел гореть. Он лежал в топках серой, холодной массой, как будто из него вынули самую суть огня. Рабочие стояли растерянные, не зная, что делать: они привыкли к послушному пламени, а теперь перед ними была просто земля. Древняя, спрессованная, мёртвая земля.

Фильтры, которые десятилетиями очищали воздух от сероводорода и угольной пыли, вдруг перестали гудеть. Люди, годами носившие маски, снимали их — сначала неуверенно, потом всё смелее — и вдыхали воздух, в котором не было ни гари, ни корицы. Воздух, который пах морем. Воздух, который пах жизнью.

В некоторых районах — особенно на Третьем и Четвёртом островах, где земля была наименее отравлена, — из-под мостовых пробивались тонкие зелёные побеги. Не сорняки, не случайная трава, занесённая ветром, а растения, которых никто не сажал. Они росли так быстро, что люди отступали, не зная, пугаться или радоваться. Одна старуха, жившая на Четвёртом острове, вышла на порог и увидела, как из трещины в стене её дома тянется к свету маленький цветок — белый, с золотистой сердцевинкой. Она заплакала, не зная по-

чему.

Громкоговорители, которые обычно передавали распоряжения Совета — сухие, бесстрастные, полные цифр и угроз, — начали издавать странные звуки. То ли музыку, то ли голоса, которые невозможно разобрать. Кто-то говорил, что это помехи. Кто-то — что это голоса тех, кого Совет заставил замолчать.

Но самое главное происходило не с техникой и не с растениями. Самое главное происходило с людьми. Они начали говорить друг с другом. Не о квотах, не о фильтрах, не о том, кто нарушил правила, не о том, сколько угольных часов осталось до конца недели. Они говорили о том, как пахнет воздух. Как светит небо. Как странно и одновременно хорошо чувствовать, что мир меняется — не по приказу, а сам по себе.

На Втором острове двое соседей, которые годами не разговаривали, потому что один был механиком, а другой — доносчиком Совета, вдруг остановились посреди улицы и посмотрели друг на друга.

— Ты чувствуешь? — спросил механик.

— Чувствую, — ответил доносчик. — Воздух другой.

— Это не воздух, — сказал механик. — Это свобода.

И они пошли вместе — не зная куда, но зная, что по разные стороны им больше не по пути.

На Пятом острове дети, которые никогда не видели живых цветов, кроме тех, что в оранжерее Хранителей, нашли

в расщелине мостовой крошечный росток. Они сели вокруг него и смотрели, как он тянется к золотому свету. Они не знали, что это за растение. Но они знали, что оно красивое.

А на Восьмом острове, в самом бедном районе, где жили те, кого город давно списал со счетов, старый слепой старик вдруг поднял голову и сказал:

— Я вижу свет. Я не знаю, какой он. Но он тёплый.

Но Совет не сдавался.

В здании Совета, в самом защищённом помещении, спрятанном глубоко под землёй, собралось экстренное совещание. Верховный Смотритель — высокий, сухой человек с лицом, похожим на маску, — стоял во главе длинного стола и слушал доклады. Его пальцы сжимали подлокотники кресла так, что побелели костяшки.

— Маяк перенастроен, — докладывал молодой советник с дрожащими руками. — Зелёный спектр подавлен. Кристалл перешёл в золотой режим. Мы не знаем, как это произошло. Мы не знаем, кто это сделал. Но последствия уже видны: угольные заводы встали, фильтры отключены, растения прорастают по всему городу. Люди... люди выходят на улицы.

Верховный Смотритель молчал. Его лицо оставалось неподвижным, но в глазах горел холодный, расчётливый гнев.

— Это мятеж, — произнёс он наконец. — Кто-то перенастроил Маяк. Кто-то, кто знал о резонаторе. Кто-то, кто имел

доступ к архивам. — Он обвёл взглядом присутствующих. — Найдите этого человека. Найдите и устраните. Немедленно.

— Но как? — спросил один из советников. — Мы не знаем, как работает кристалл. Мы только следили за тем, чтобы он блокировал Внешний Воздух. Мы никогда не изучали его природу.

— Значит, вы плохо следили! — Верховный Смотритель ударил кулаком по столу. — Шестьдесят лет! Шестьдесят лет мы контролировали этот город, и за одну ночь какой-то безумец разрушил всё, что мы построили! Найдите его. И активируйте резервный контур.

В зале повисла тишина. Резервный контур — крайняя мера, о которой знали лишь высшие чины Совета. Система, созданная на случай, если Маяк выйдет из-под контроля. Она не блокировала жизнь — она подавляла её. На время. Достаточно, чтобы Совет успел восстановить порядок. Достаточно, чтобы напомнить людям, кто здесь власть.

— Но, господин Верховный Смотритель, — подал голос один из старых советников, — резервный контур не тестировался десятилетиями. Мы не знаем, сработает ли он. И если сработает, последствия могут быть...

— Мне плевать на последствия! — оборвал его Верховный Смотритель. — Активируйте контур.

Он нажал кнопку на подлокотнике своего кресла. Где-то глубоко под городом, в старых туннелях, которые не видели людей с момента постройки, включился древний механизм.

Воздух стал тяжелее. Золотой свет начал мерцать.

Ясиния и Корвус возвращались в сад, когда всё началось.

Они шли по мосту между Пятым и Седьмым островами, и Ясиния чувствовала, как что-то меняется. Не видела — чувствовала. Тяжесть на плечах, которая появилась после прикосновения к кристаллу, вдруг усилилась. Ноты города, которые звучали внутри неё, стали резче, тревожнее. Птицы, которые только что пели над крышами, замолчали. Золотой свет — тот самый, что разливался по улицам, — начал мерцать, будто кто-то задувал свечу.

— Что это? — спросила она, останавливаясь.

Корвус поднял голову, прищурился.

— Резервный контур, — сказал он. — Я слышал о нём. Система подавления, которая должна сработать, если Маяк выйдет из-под контроля. Ею не пользовались никогда. Но я знаю, где она находится.

— Где?

— В старых туннелях под Первым островом. Там, где раньше были угольные шахты.

Ясиния посмотрела на него — и увидела в его глазах то же, что чувствовала сама: решимость пополам со страхом.

— Веди, — сказала она.

Когда они добежали до сада, Таро уже стоял у ворот, встречая их. Вяз за его спиной сиял золотом, но свет его тоже мерцал — тревожно, прерывисто, как сердце, которое сбилось с ритма. Птицы сидели на ветвях молча, прижавшись

друг к другу.

— Они включили что-то, — сказал Таро. — Я чувствую. Как будто кто-то давит сверху. Птицы перестали петь. Бархатцы снова начали закрываться.

— Мы знаем, — ответила Ясиния. — Это резервный контур. Мы должны его отключить.

В этот момент в сад вбежал Вельм — запыхавшийся, с пеплом на одежде, но с горящими глазами.

— Я видел, — выдохнул он. — Я видел, где это. Там, под старыми складами, есть вход в туннели. Я знаю дорогу.

— Тогда не теряем времени, — сказала Ясиния. — Корvus, Вельм — со мной. Таро...

— Я останусь здесь, — сказал старый садовник и поднял лопату. — Если Хранители придут снова, я буду ждать.

Ясиния кивнула — слов не было, да они и не требовались. Она поправила очки, и красная оправа привычно скользнула вверх по переносице. Этот жест, такой знакомый, такой привычный, вдруг показался ей символом того, что она всё ещё та же Ясиния — налоговый инспектор, которая привыкла проверять цифры и искать несоответствия. Только теперь она проверяла не бумаги, а мир. И искала в нём то, что должно быть, а не то, что есть.

Туннели под Первым островом были древними. Даже более древними, чем дораскольная кладка в башне. Здесь не было ни чугуна, ни спиралей, ни изображений птиц — только грубый камень, покрытый плесенью и влагой. Пахло ржав-

чиной и чем-то забытым. Вельм шёл впереди, держа в одной руке масляную лампу, а в другой — старый нож, который он неизвестно где раздобыл.

— Я здесь бывал, — говорил он на ходу. — Давно, ещё мальчишкой. Мы лазали сюда с пацанами, искали уголь, который можно продать. Тогда здесь было не так сыро. И не так страшно.

— Что изменилось? — спросила Ясиния, перешагивая через обломок балки.

— Всё, — ответил Вельм. — Тогда здесь был просто старый туннель. Теперь здесь... не знаю. Что-то живое. Вы чувствуете?

Я чувствовала. Не страх — присутствие. Как будто стены дышали. Как будто кто-то смотрел на нас из темноты.

Наконец они нашли то, что искали: панель управления резервным контуром. Она выглядела старой, покрытой пылью и паутиной, но индикаторы на ней горели тусклым красным светом. Несколько рычагов, циферблатов и одна большая красная кнопка. Надпись над ней почти стёрлась, но можно было разобрать: «Экстренное подавление аномалий».

— Вот оно, — сказал Вельм. — Если нажать на кнопку, контур отключится. Но...

— Но что? — спросила Ясиния.

— Но никто не знает, что будет дальше. Может, это вызовет взрыв. Может, наоборот, ничего не произойдёт. Может, мы просто ломаем то, что нельзя чинить. — Он посмотрел

на неё. — Мы не знаем, как это работает, Ясиния. Никто не знает, кроме тех, кто строил этот контур шестьдесят лет назад. А они давно мертвы.

Ясиния смотрела на кнопку. Красную, запылённую, пульсирующую в такт мерцанию золотого света. Она думала об отце. О Таро. О бархатцах, которые так хотели расцвести. О птицах, которые наконец-то запели. О людях, которые впервые за шестьдесят лет сняли маски и вдохнули воздух, пахнувший морем. О мёртвом стражнике, который заплатил жизнью за нашу миссию. О Корвусе, который двадцать лет служил лжи и теперь пытался искупить вину. О Вельме, который всю жизнь возил уголь, а теперь стоял здесь, в туннеле, и готов был нажать на кнопку. О себе — той девочке, которая когда-то мечтала о совах, а теперь держала в руках судьбу целого города.

Она думала о том, что иногда правильный выбор — это не тот, который безопасен, а тот, который верен.

— Нажимай, — сказала она.

Вельм посмотрел на неё. Потом на Корвуса. Корвус едва заметно кивнул.

Вельм нажал на кнопку.

Сначала ничего не происходило. Потом туннель начал дрожать. Мелкая дрожь — как будто где-то далеко проходил поезд, который никогда не существовал в Медном Кулаке. С потолка посыпался песок. Где-то в глубине раздался гул — не такой, как раньше, а другой. Более глубокий. Более древ-

ний. Будто просыпалось что-то огромное.

Ясиния зажмурилась. Она не боялась — вернее, боялась, но это был холодный, ясный страх, который не парализует, а обостряет мысли. Она думала о том, что, возможно, это конец. Что сейчас всё взорвётся, и они погибнут здесь, в темноте, в старом туннеле, под грудой камня. Но по крайней мере, она попыталась. По крайней мере, она не сдалась.

А потом всё стихло.

Не мёртвая тишина — живая. Та, после которой всегда приходит что-то новое.

Ясиния открыла глаза. Индикаторы на панели погасли. Дрожь прекратилась. Гул затих.

— Получилось, — прошептал Вельм. — Пар меня разре-
ри, получилось.

Они выбрались из туннелей уже под вечер. Золотой свет снова разливался над городом — яркий, ровный, не мерцающий. Птицы пели. Растения расправляли листья. Люди на улицах поднимали головы и улыбались — неуверенно, осторожно, но искренне.

А в саду, когда Ясиния вернулась, её ждал Таро. Он стоял у вяза, и в его руках был маленький росток — тот самый, из третьего семени.

— Возшёл, — сказал он. — Когда вы отключили контур, он возшёл. Я не знаю, как это возможно. Но он здесь.

Ясиния взяла росток в ладони. Тёплый. Живой. Сова на семени, из которого он вырос, смотрела вправо — в будущее.

И это будущее наступило.

Но где-то в глубине города, в здании Совета, Верховный Смотритель смотрел на погасшие индикаторы резервного контура и сжимал кулаки. Его лицо оставалось неподвижным, но в глазах горела холодная ярость.

— Подготовьте «Протокол Пепла», — сказал он своим подчинённым. — Мы не можем позволить им победить.

И тьма начала сгущаться над Медным Кулаком, как туча перед бурей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.